

Сергѣй Муретовъ.

Б-10

м-91

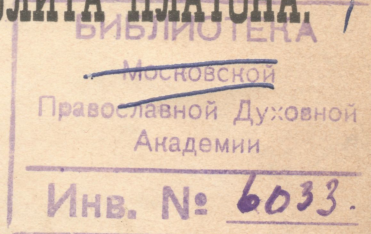
м

ПОЗДРАВЛЕНІЯ

ВИΘАНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ,

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА.

МОСКВА.)

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1897.

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1897 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

Московского Митрополита

Платона.

Въ день тезоименитства Московскаго митрополита Платона (18 ноября) Виѳанская духовная семинарія имѣла обыкновеніе подносить своему основателю сборникъ поздравленій (гратуляцій) на разныхъ языкахъ ¹). Эти поздравленія, писанныя начальствующими, наставниками, а большею же частію самими воспитанниками низшаго или риторическаго, средняго или философскаго, высшаго или богословскаго отдѣленій и состоящія изъ одъ, діалоговъ, акростиховъ и эпиграммъ,—обращаютъ на себя вниманіе, какъ весьма примѣчательный и характерный памятникъ духовнаго просвѣщенія Платоновскаго времени. Всѣхъ гратуляцій въ фундаментальной семинарской библіотекѣ хранится за одиннадцать лѣтъ (за 1800—1804, 1806—1811 годы), но мы въ виду исполнившагося въ нынѣшнемъ году столѣтія со дня изданія указа императоромъ Павломъ Петровичемъ объ основаніи семинаріи при Виѳанскомъ монастырѣ (1797 г. 1-го мая 1897 г.), а черезъ три года имѣющаго быть столѣтняго юбилея со дня открытія семинаріи (1800 г. 6-го августа 1900 г.), издаемъ только привѣтствія на русскомъ языкѣ за пять лѣтъ (за 1800—1801, 1807, 1810—1811 годы),—а на латинскомъ языкѣ—*по одному образцу за каждый годъ и одно поздравленіе на греческомъ языкѣ*. Побужденіемъ къ избранію русскихъ гратуляцій за указанные пять лѣтъ для насъ послужило то, что эти поздравленія, по всей вѣроятности, еще не были напечатаны. По крайней мѣрѣ, ни изъ резолюцій м. Платона, положенныхъ на самыхъ поздравленіяхъ,² ни изъ расходныхъ вѣдомостей, хранящихся въ

¹ Заглавіе этихъ поздравленій и ихъ содержаніе см. въ нашемъ трудѣ: „Описаніе рукописей библіотеки Виѳанской духовной Семинаріи“. Москва 1897 г. стр. 12—22; 29—30.

² Митрополитъ Платонъ съ большимъ и особеннымъ вниманіемъ читалъ привѣтствіе отъ Виѳанской Семинаріи и писалъ (по латыни) на нихъ тѣ или иныя, но всегда одобрительныя резолюціи. Такъ напр. на поздравленіяхъ 1808 года м. Платономъ написано: „Lectis his ingenii lusibus, agnosco libenter et docentium labores et discentium diligentiam et meam curam non vanam fuisse. Deus faveat coeptis promoveat ulteriora“ (т. е. по прочтеніи сихъ произведе-

архивъ семинарскаго Правленія, не видно, чтобы они были напечатаны; между тѣмъ гратуляціи за остальные годы, несомнѣнно, были напечатаны на семинарскія средства, въ количествѣ ста экземпляровъ. Такъ на поздравленіяхъ 1802 года м. Платономъ написано: „Licet, quaedam selectiora, ad 100 exemplaria, in lucem edere“; на поздравленіяхъ 1803 года (за этотъ годъ въ библиотекѣ хранится печатный экземпляръ подъ № 1937) года: „Licet, selecta quaedam et publica luce digna, typo imprimere, in pensis Seminarii—100 exemplaria“; на поздравленіяхъ 1804 года: „Licet, ut aliquot exemplaria, typo edantur sumptibus Seminarii“; на поздравленіяхъ 1806 года: „Quaedam ex exercibus selectiora, item ocasiones, ad 100 exemplaria, sumptibus Seminarii, imprimere, per me licet“; на поздравленіяхъ 1808 года: „Quaedam selectiora imprimere per me licet, impensis Seminarii“; на поздравленіяхъ 1809 года: „Quibusdam selectis, et quibusdam abbreviatis, licet ad 100 exemplaria, typo imprimere“.— Точно также въ расходныхъ вѣдомостяхъ за 1803 г. читаемъ: „за напечатаніе поздравленій 100 экземпляровъ 30 рублей; за 1805 годъ: „за напечатаніе ста экземпляровъ вѣанскихъ поздравленій (1804 г.) 45 рублей“; за 1807 годъ: „поздравленій 1806 г. ноября 18 д. поднесенныхъ выпечатано 100 на 50 рублей“; за 1808 годъ: „напечатать стихи за органы дано 18 рублей. На дорогу учителю печатать стихи дано 5 рублей“.

Въ составъ настоящаго сборника стихотвореній, посвященнаго нами незабвенной памяти Московскаго митрополита Платона, основателя Вѣанской семинаріи, вошли слѣдующія: 1) *Ода*. Сочин. учитель Андрей Казанцевъ. 2) *Apelles Bethaniae*. Сочин. учитель іеродіаконъ Мисаиль. 3) *Ода—Сердце*. Соч. А. Казанцевъ. 4) *Pietas Musae*. Сочин. ученикъ риторики Дмитрій Русинъ. 5) *Западъ* (аллегорическая пѣснь). Сочин. ученикъ Герасимъ Сергіевскій. 6) *Орелъ*. Сочин. ученикъ Миронъ Лебедевъ. 7) *Роза зимой*. Сочин. ученикъ Павелъ Смирновъ. 8) *Jupiter*. Сочин. учитель Николай Платоновъ. 9) *Vera gloria*. Сочин. ученикъ Василій Гжелскій. 10) *Ὁ τῆς εὐδαιμονίας νεώς*, Сочин. уче-

ній ума, я охотно признаю труды учащихся и прилежаніе учащихся и мое попеченіе не тщетнымъ. Богъ да благопріятствуетъ начатымъ и споспѣшествуетъ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

¹ За этотъ годъ поздравленія носятъ заглавіе: „*Органъ сердца*“, которымъ Святѣйшаго Синода Члена, Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Платона тезоименитый день съ сыновнимъ благоговѣніемъ прославляетъ Спасовѣанская семинарія 1808 года ноября 18 дня“.

никъ Иванъ Легонинъ. 11) *Sincerus alumni Musarum animus absente Apolline*. Сочин. учитель Н. Платоновъ. 12) *Janus*. Сочин. ученикъ Михаилъ Горайновъ. 13) *Пѣснь*. Сочин. ученикъ Яковъ Скворцовъ. 14) *Торжество музъ*. Сочин. учен. Василій Смирновъ. 15) *Девкалионъ*. Сочин. ученикъ Е. Свитовидовъ. 16) *Старость*. Сочинилъ ученикъ П. Чистяковъ. 17) *Cometa*. Соч. ученикъ Никаноръ Цвѣтковъ. 18) *Bethanica Clio*. Сочин. учитель Никифоръ Платоновъ. 19) *Слава*. Сочин. Префектъ. 20) *Столъ огненный въ пустынь*. Сочин. ученикъ М. Безсоновъ. 21) *Οἰκτῆριον τοῦ Ἀπεράντου*. (на латинскомъ яз.). Сочин. ученикъ Ив. Введенскій. 22) *Ковчегъ*. Сочин. учен. Е. Свѣтовидовъ. 23) *Еакъ*. Сочин. учен. Д. Романовскій. 24) *Озиридъ въ Египтъ*. Сочин. учен. П. Чистяковъ. 25) *Melpomene immutata*. Сочин. учен. Василій Романовскій. 26) *Сновидѣнiе*. Сочин. учен. Θ. Покровскій. 27) *Дерзость музы*. Соч. ученикъ Левъ Поспѣловъ. 28) *Эпиграммы* (на русскомъ языкѣ, числомъ 28), сочиненныя учениками В. Бѣляевымъ, В. Малининымъ, Тимофеемъ Романовскимъ, Г. Сергіевскимъ, С. Левшинымъ, Алек. Аргуновскимъ, Григ. Соловьевымъ, П. Скворцовымъ, Стеф. Куняевымъ, Я. Воскресенскимъ, Т. Шемитовымъ, С. Доброхотовымъ, С. Десницкимъ, Конст. Скворцовымъ, Е. Вишняковымъ, Ал. Вѣринымъ, Пл. Покровскимъ, Н. Кудрявцевымъ, М. Сперанскимъ, Ив. Сименовскимъ и Ст. Нежрасовымъ.

Сергѣй Муретовъ,

бывшій воспитанникъ Виѣанской Семинаріи,
нынѣ ея преподаватель и библіотекаръ.

1897 г. Августа 31-го.
Виѣанія.

Изъ поздравленій Виѳанской Духовной Семинаріи на день
тезоименитства Московскаго митрополита ПЛАТОНА.

1.

О Д А.

Восталъ Борей отъ Норда льдиста,
И видъ природы поблѣднѣлъ;
Одѣтъ въ снѣга, средь вихрей свиста,
Протекъ, промчался, пролетѣлъ,—
И водъ хребты сковались льдами.
Бугры снѣговъ легли грядами
Вокругъ, и на вершинахъ горъ.
Зима дверь скупъ отверзаетъ,
Дріадъ унылыхъ оставляетъ
Пернатыхъ пѣснопѣвцевъ хоръ.
Но сердце юныхъ музъ пылаетъ
И въ самомъ сердцѣ зимнихъ льдовъ:
Парнассъ цвѣты произрастаетъ
Поверхъ мертвящихъ все снѣговъ.
И въ самомъ ужасѣ природы
Текутъ, смѣясь, касталски воды,
При всходѣ феба своего.
Кристалльны ихъ верхи волнисты,
Являютъ пурпуры огнисты,
Збирая въ нѣдра блескъ его.
Весь день заоблакъ должно крыться,
Чтобъ солнцу въ западѣ прельщать:
Но фебъ нашъ къ западу катится;—
И новымъ блескомъ восхищать

И взоры и сердца умѣтъ:
Хотя весь путь его алѣтъ,
Ефиръ въ зрѣхъ, въ цвѣтахъ земля.
Течетъ—и лучъ свой обновляетъ
Тамъ, гдѣ Аврора затворяетъ
Дверь свѣтлу дневнаго царя.
Парнаассы, какъ бы поднимаясь,
Предъ нимъ вскрываютъ грудь свою:
Цвѣтами музы увиваясь,
Во звукахъ лиры соловью,
Въ весельи нимфамъ подражаютъ:
Весны улыбки выражаютъ
Въ движеняхъ, взорахъ, и сердцахъ.
Плѣняясь новыми лучами,
Поютъ отверстыми устами,
Неистощаясь въ похвалахъ.
Открылъ годъ новый юны взгляды—
И новымъ ихъ возжегъ огнемъ.
Какъ звѣздъ горящи мириады
Луны младыя подъ лицемъ,
Предъ нимъ желанія сверкаютъ:
Цвѣты надежды разсыпаютъ:
И улыбается любовь.
Годъ прежній скиптръ ему вручаетъ:
„Будь дивенъ, юный годъ!“ вѣщаетъ,
„Чтобъ я въ тебѣ родился вновь“.
Онъ рекъ—и гласъ его промчался
По всѣмъ мѣстамъ, во всѣхъ вѣкахъ.
Возрѣлъ—взоръ свѣтлый начертался,
Какъ солнце на морскихъ водахъ,
Въ кристальномъ вѣчности зеркалѣ.
Лучи катяся временъ по скалѣ
Дробятся, чтобъ умножить блескъ.
На эхи славы громъ дѣлится,
Чтобъ въ новыхъ громахъ повториться,
Собрать съ потомковъ поздныхъ плескъ.
Мой взоръ плѣненный красотою,
Гдѣ стать, не знаетъ, изумленъ;
Какъ мотылѣкъ между цвѣтами,
Ихъ пестротою развлеченъ.

Онъ видитъ: пинды древни съ юга
Въ страны, гдѣ строга дышетъ вьюга,
Преходятъ отражаясь вновь.
Ихъ добродѣтель призываетъ,
Имъ мудрость храмъ свой отверзаетъ,
И расширяетъ грудь любовь.
А тамъ съ открытымъ сердцемъ, взоромъ,
Астрея съ музами летитъ:
Вкругъ Граціи, стѣсненны хоромъ,
Блистая розами ланить,
Аркадію находятъ нову:
Стекаются подъ тѣнь лаврову,
Сатурна новаго воспѣть.
Оставивъ горнія чертоги,
Сошли съ олимпа сами боги,
Красы небесъ въ пустынь зрѣть.
Не бархатны луга душисты
Живить румяная заря;
Не солнце рветъ оковы льдисты
Весенней теплотой горя:
Зевесъ, Зевесъ метатель грома
Красы пустыннаго эдома
Разкрылъ, умножилъ, озарилъ.
Съ Діаной Аѳина дружится
Полетомъ молній слава мчится
Разширивъ сто устенъ, сто крыль.
Толикой красотой плѣненный
Любитель мѣстъ сихъ Аполлонъ,
Музъ юныхъ хоромъ окруженный,
Самъ имъ настроилъ лирный тонъ:
Самъ далъ для нѣжныхъ арфъ ихъ звуки;
Самъ ихъ простеръ младыя руки,
Срывать парнасскія цвѣты.
Они запѣли, заиграли:
И нѣжны слезы засверкали
Отеческой въ очахъ любви.
Дню безъ щедротъ платилъ Титъ слезы,
И былъ онъ образецъ людей:
Но плакать тамъ, гдѣ щастья розы
Цвѣтутъ вокругъ младыхъ дѣтей,

До слезъ блаженствомъ ихъ плѣняться
 Толикимъ чувствомъ воспламеняться
 Лишь можетъ истинный отецъ.
 Тебѣ, Тебѣ лишь только сродны
 Столь нѣжны чувства благородны,
 О нашихъ фебъ и царь сердець!
 Любовь отеческа дивится
 Твоей отеческой любви:
 Сколь должно сердцу расшириться!
 Какимъ движеньямъ быть въ крови,
 Чтобъ тысячи сыновъ вмѣщались;
 И равнымъ чувствіемъ питались
 Въ отеческой душѣ твоей!
 Сердца усердемъ въ насъ пылаютъ:—
 Но гласы лиръ изнемогаютъ,
 Блескъ отѣнять твоихъ лучей.
 О! естли бы сердца умѣли
 Весь жаръ свой изливать въ уста!
 Предъ нами бъ громы онѣмѣли,
 Поникла бъ звѣздна высота:
 Мы все бъ въ желаніяхъ вмѣстили,
 Съ звѣздами бъ дни Твои сравнили,
 И съ солнцемъ блескъ Твоихъ добротъ.
 Иль нѣтъ—умолкни слаба лира:
 Почно касаться намъ еѣира?
 Онъ въ нашемъ сердцѣ не уміють.

Сочин. вышшаго класса учит. Андрей Казанцевъ.

2.

APELLES BETHANIAE.

Pieridum columen, cujus Parnassia magno
 Nomine templa sonant, huc age Dive Plato!
 Fac nova Castalios latices per rura petenti
 Nunc liceat Musae reddere voce choros.—
 Omnia, quae sensu voluuntur vota diurno,
 Pectore sopito reddit amica quies.
 Venator deffessa toro cum membra reponit,
 Mens tamen ad silvas et sua lustra redit.—

Blandaue largitur frustra, sitientibus aegris
 Irriguus gelido pocula fonte sopor.
 Me quondam tenuit studium sub nocte silenti
 Dive Plato! Calamis pingere facta Tua.
 Quantaue sint, vigili nostro sub pectore mecum
 Versabam somnus tunc mea membra sopit.
 Protinus en sensus demulcent somnia nostros;
 Visus eram tabulas cernere Apollineas
 Mirabar tabulas, mirato creverat ardor
 Gaudendi calamis; pingere ut 'ipse queam.
 Nec mora, jam calamos sumo, tabulasque revolvo,
 Cujus ad exemplar pingere dextra queat.
 Ecce sed ante oculos veneranda refulsit imago,
 Vincebat reliquas quae bonitate sua.
 Non nitet haec rutili nativa luce metalli,
 Nonque dedit decus hoc arte perita manus,
 Maius ab impressa sed duxit imagine fulgur;
 Non calamus decus huic, sed dabat haec calamo.
 In capite albeabant, ut nix, jam tempora cana,
 Aut veluti plumae, quas habet albus olor.
 Crux ornat frontem, duo pectore sidera fulgent,
 Ridet in ingenuis gratia viva genis;
 Virtus in ore sedet roseo suffusa pudore;
 Est oculis gravitas purpureusque vigor.
 Majestas humeros, placidumque modestia vultum;
 Pura verecundus pectora candor habet.
 Vibrantur labiis, pictum est, nunc fulmina saeva,
 Nuncque ruit grando, nunc fluit unda lenis
 Fulmina comburunt lappas, sed grandine saxa
 Mollescunt, niveos imbuunt unda rosas.
 Quid lustras oculis ridens mihi dixit Apelles?
 Pingere Tu flagras. Quod cupis istud habe.
 I nunc! Ecce mei Calami variique colores!
 Pingas, suadebit quae Tibi linguae mea.
 Fac—loca, regnabant ¹ quæis muta silentia primum
 Horrebant ² turpi squalida tecta situ,
 Pingas, ut ramis dirum mortalibus omen

¹ Было написано: regnarent, но м. Платоном поправлено: regnabant.

² Было написано: horrerent, но Платоном поправлено: horrebant.

Ignarus bubo tristia fata canit
 Ore cruentato limide per saxa vagantem
 Fac pingas agnum lupus ut insequitur
 Fac calamis sterilem terram foliumque ferentem
 Serpere fac anques percava saxa tetros
 His pictis, mutes calamos mutesque colores
 Iamque virum pingas haec visitasse loca.
 Hac simul aspexit fecit ¹ molescere terram;
 Nec magis est species, quae fuit ante, locis.
 Illius ad nutum pingas reverescere silvas
 Latius et sparsis luxuriasse comis
 Fac jubeat fontes alios emergere saxis
 Nec mora fit: fontes prosiliuntque novi.
 Fac hic planitiem, tractus quae fundat apertos,
 Hic frutices, illic exprime laeta sata.
 Pinge lacum, medio cujus stet insula parva
 Fronde virens, circumquam fluat unda gyris.
 Fac calamis undas labi delittore ruptas.
 Fac in subjectas ut cadat unda Petras.
 Dequibus illisa in vitreas resolutaque guttas
 Fac altum exsurgat, mox iterumque cadat.
 Finge arvum non jam sentes foliumque ferentem;
 Ast ut aristis hoc messis opima gravet.
 In medio campi fingas exsurgere montem,
 Cujus ut umbriferum culmen ad astra petat.
 Hujus sub pedibus pingas tonitrua rauca,
 Et Boreas duros praecipitesque Notos.
 Stet ut hyems procul hinc canos hyrsuta capillos,
 In dignans montem laedat quod illa minus.
 Fac ut ibi niteant vernali germine cuncta;
 Sic oleant illic myrtus et alma rosa.
 Altam finge domum montis jam vertice summo
 Fulta columis quae mormoribus niteat.
 Hanc circum ramis viridans fac arbor obumbret.
 Pinge virum tandem sedibus his placidis.
 Hujus Des manibus chordas, ut pectine levi
 Pollice festino mobile ducat ebur,
 Ducat, et ad cantum saltent montesque nemusque,

¹ Было написано: *мох* *fac*, но Платонъ поправилъ на: *fecit*.

Ac properent Musae sede relictæ sua.
 Facque Deum caetus rapiatur cantibus hujus,
 Laetus ut applaudat summus et ipse Tonans
 Tandem depingas quod turba novena sororum
 Non secus auctorem ac jam moduletur Eum
 Ars tibi sufficiat si pingas—dixit Apelles
 Non... dixi trepitat pingere dextra mea.
 Aut Tuus aut nullus pollex hæc pingere possit.
 Mox hic cohibui fervida vota mea.
 Somnia jam fugiunt, fugit omnis inertia somni;
 Iamque vigil reputo, quid velit iste sopor?
 Protinus en subiit mihi, quod Tua Praesul imago
 Coptasset mentem totum animumque meum.
 Additur Ecce fides, nec me mea somnia ludunt
 Cuncta refers in Te quæ dabat iste sopor.
 En loca Bethaniae quondam terrore repleta
 Sordibus exutis nunc Heliconâ tenent!
 En cumulata Tuis meritis fera frigora spernunt;
 Dum durat Boreas, en Tibi serta virent—
 Verum! Quam verum est, quod pingere nostra negabat
 Dextera—quis possit facta referre Tua?
 Quis loca Bethaniae merito depingere possit,
 Quo splendore nitent, quotque decoris habent?
 Aut Tuus, aut nullus calamus pinxisse valebit
 Divinos vultus, facta stupenda Tua.
 Sic ego projicio calamos nostrosque colores
 Ante pedes sacros, o Pater Alme, Tuos.—
 Fecit Rhetor. Praeceptor Hierodiasconus Misail.

3.

О Д А.

С е р д ц е.

Ты спишь—и на груди твоей
 Снѣговъ и льдовъ сцѣпились горы:
 Ты спишь—и синій Емпирей
 Одѣлся въ черны хладны флѣры;
 Дріады посѣдѣвъ средь мрачныхъ боровъ стонуть.—

Проснись, природа, мать утѣхъ!
 Расторгни блѣдно покрывало,
 Раскрой лазурно водѣ зеркало;
 И разрѣши струй рѣзвыхъ бѣгъ:
 Пусть въ солнечныхъ лучахъ орлины взоры тонуть.

* *

Какъ томный стонъ роцъ въ глубинѣ,
 Унылый голосъ мой терялся;
 Какъ свѣтла лира вдругъ раздался
 Внутрь сердца моего—во мнѣ...
 „Я здѣсь—въ душѣ твоей, какъ фениксъ, воскресаю:
 „Восторговъ розы здѣсь цвѣтутъ,
 „Спокойство жатву позлащаетъ,
 „Любовь успѣхи наливаетъ,
 „Какъ осень алыя плоды.
 „Я здѣсь“—ты здѣсь цвѣтешь? въ восторгѣ сердцемъ такою.

* *

Заря дверь солнцу отворяя
 Отверзла восхищеньямъ грудь;
 Едва успѣлъ сей день блеснуть,
 Парнаассы руки простирая
 Открывъ сердца, уста, срѣтаютъ фебовъ всходъ.
 Аѳински музы! приклонитесь,
 И нашимъ чувствіямъ учитесь
 Не громомъ лиры, иль трубы—
 Сердцами споримъ съ вами мы:
 Умѣли вы гремѣть, мы чувствовать умѣемъ.

* *

Гордились вы, сравнивъ тонъ лирный
 Въ геройскихъ пѣсняхъ съ славой ихъ:
 Гордимся мы, что пѣть безсильны
 Творца блаженныхъ дней своихъ:
 Мы удивленіемъ Его сіянье хвалимъ.
 Вы лаврами увѣнчавали
 Своихъ героевъ чудеса;
 Мы въ жертву своему Отцу
 Несемъ любовь и благодарность;
 Изъ пламенныхъ сердецъ безсмертный зиждемъ храмъ.

* *

Молчали бы уста отверсты,
 Коль нашъ не въ сердцѣ бѣ былъ языкъ:
 Но зря добротъ небесныхъ ликъ,
 Бѣгутъ по арфѣ сами персты—
 Не музы, сердце намъ настроило свирѣль.
 Что можетъ слабой лиры тонъ,
 Чей громъ и слава умалываетъ?
 Но роза ароматъ пускаетъ
 Въ даръ солнцу, коимъ разцвѣла.
 И росу тонкую всходящій фебъ пріемлетъ.

* *

Сомкни уста, кичлива древность!
 Презренны вымыслы твои:
 На что кастальскія струи,
 Чье сердце оживляетъ ревность?
 Мы сердцемъ слушаемъ и сердцемъ говоримъ.
 Парнасъ—нашъ восхищенный духъ,
 Піериды—сердечны чувства;
 Касталь—щедроты; фебъ—Отецъ
 Пермесскій пламень—благодарность.
 Любовь есть Геній нашъ:—сей Геній не умретъ.

* *

Сей чистый Геній не умретъ;
 Онъ наши мысли окриляя,
 Сердца Музъ юныхъ распаляя,
 Превыситъ молніи полетъ;
 И духъ неся въ эфиръ, тамъ въ солнцы разродится—...
 Но что я зрю!—взоръ тьмится—тамъ
 Изъ злата и рубиновъ храмъ:
 Тронъ солнечный, изъ звѣздъ корона,
 Гербъ слава, скипетръ удивленье.
 Мой Геній палъ предъ нимъ,—вѣщаетъ Божество:

* *

„Какой стезею ты проникъ
 „Въ сей храмъ безсмертья, въ храмъ эфирный?
 „Кто научилъ, тебя гласъ лирный
 „Настроить въ сердцѣ не въ устахъ?
 „Иль ты когда внималъ гармоніи небесной?

„Вотъ лавры—лавры не твои;
 „Но я тебя вѣнчаю ими:
 „Не лирой, чувствами своими
 „Присвоилъ ты вѣнки сіи.
 „Безсмертнаго поя, ты самъ безсмертенъ будешь.

* * *

Рекла Богиня—мнѣ казалось,
 Она растаяла въ лучахъ;
 Въ сто арфахъ эхо повторилось;
 И зрѣлось въ тысящѣ сердцахъ,
 Которы въ Геніи любви, какъ огонь, сливались.
 Я мнилъ, что въ немъ не грудь, кристалъ.
 Всѣ звѣзды въ центръ одинъ збиралъ;
 И озаряясь ихъ лучами,
 Свѣтился въ вѣчности зарями.—
 О нашихъ Фебъ сердецъ! сіяй—*Тобой* мы блещемъ.

* * *

Тобой твои птенцы играютъ;
 Въ *Твоихъ* теряя взоръ лучахъ,
 Сердца и крылья расширяютъ;
 Парятъ на югъ *Тебѣ* во слѣдъ.
 И се: зима *Твой* путь снѣгами печатлѣтъ.
 Стань, Фебъ нашъ! возврати весну.—
 Но *Ты* природу удивляешь,
 Весны по всюду разсынаешь
 И въ зимнемъ шествіи своемъ.
 И южный *Твой* восходъ Парнаussy въ рай одѣялъ.

* * *

Пусть въ ложныхъ вымыслахъ Піитовъ
 Растетъ предъ Зевсомъ Геликонъ:
 Не въ басняхъ—при *Твоемъ* восходѣ
 Растетъ съ сердцами нашъ Парнасъ,
 Свои желанія съ *Твоей* равняя славой.
 Лучъ пламенѣющихъ сіяній
 Вликаетъ въ свѣтлыхъ зеркалахъ:
 О естли бъ нашихъ огонь желаній
 Въ *Твоихъ* изобразился дняхъ!
Ты вѣчно восходя во вѣкъ бы не зашелъ.

У. А. Казанцевъ.

PIETAS MUSAE.

Aeole! quem trepidant venti nigraeque procellae,
 Ad *Patrem* propero-siste, precor, Boreas—
 Pullula sum-tremulo passu per itinera longa,
 Per rupes altas, per cava saxa ferar—
 Infremit ecce tuus Boreas roboantque procellae!
 Ecce vocant hyemem, frigora saeva ferunt!
 Nigrescit coeli facies obducta nivosis
 Nubibus, et glacie flumina pressa gemunt!
 Aspice-qui ferar implumis, pedibusque tenellis
 Turbine sub tanto, quem tua dextra gerit.
 Parce mihi—Deus es—Divum est nam parcere cunctis—
 Ad Divum propero-siste, precor, Boreas.
 Mitte leves zephiros-redeant fac tempora verna;
 Ut levis ad Numen frore recincta ferar.
 Parce, precor, facilesque move moderatius Euros
 Ad Numen numen cur mihi rumpis iter?
 Gaudia rapturo si quis tibi claudere vellet
 Aerios aditus; quo paterere modo?
 Vana peto,—precibusque meis obmurmurat ipse,
 Exerescens ventis, reddit usque preces.
 Plus furit aglacie, nivibusque accingitur albus,
 Viscera stringit—humi-turbine cuncta rapit.
 Ut ferus est multoque suis truculentior euris!
 Non tangunt illum candida vota mea.
 Quid faciam tristis? *Tibi* sed jam flammea thura
 Acunctis fumant ad *Tua* sacra *Pater!*
 Sed me prohi miseram! nostra est *Tibi* victima nulla,
 Cui decet ecunctis, prima sit ante focos.
 Nunc ego jactandas pennas assumere vellem
 Sive tuas Perseu, Daedale sive tuas!
 Ut duro nostris cedente volatibus Euro
 Aspiciam vultus, *O Pater alme! Tuos—*
 Ac nostros flores aliorum floribus addam;
 Sic sit de multis una corona *Tibi—*
 Stulta! quid o frustra votis puerilibus optas.
 Nec tulit haec nec fert nec feret ulla dies.

Quid quaeris pennas, tibi si sint pectore pennae?
 Inquire in pectus; protinus ales eris.
 Quid tibi cum Boreis? quid cum tumidisque procellis?
 Iste, ad quem properes, duraque cuncta movet.
 Quid? quod bruma ferox jam floribus exuit arva?
 Dum natura negat, pectora ferta dabunt—
 Quid tibi, bruma suis quod cuncta furoribus urit?
 His brumae flammis plus tua flamma valet.
 Sic tu sub tectum venies jam tuta *Parentis*!
 Subsident montes saxa dabuntque viam.
 Sic flammis *Patri*, tua quas nunc pectora condunt
 Prodes—sis proles grata *Parentis* eris—
 O *Plato*! nostra salus, vitae, qui vitaeque nostrae,
 Lumen luminibus, daraque lux animis!
 Excipias *Tibi*, quod retulit *Tua* musa pubescens.
 En per *Te* florens, frigore sarta tulit!
 Sub Boreis rapidis tendens raucisque procellis,
 Dum *Tibi* thura sonant, et sua thura vovet—
 Longus abes oculis nostris, in pectore vivis
 Et *Tibi* non nosmet, pectora nostra damus.

Fecit Rhetoric. discipul. Demetrius Rusin.

5.

З А П А Д Ъ.

Аллегорическая пѣснь.

Въ эфирной сторонѣ блистая,
 Небесъ земли кругъ освѣтивъ,
 Съ огнями злато разливая,
 И тѣмъ хребты волнъ озлативъ,
 Заходишь солнце лучезарно!—
 Позволь вскрыть сердце благодарно
 Во утро дней моихъ при западѣ *Твоемъ*.

* * *

Пылаетъ сердце, умъ мой тьмится
 Отъ западной зари *Твоей*—
 Какъ чудно кругъ *Твой* тамъ катится
 Исполненъ розовыхъ огней!

Огнями сими упоенну,
 Росой вечерней окропленну
 Восторгъ дай крылія!—предъ фебовъ взоръ взнеси—

* *

Что злато во своемъ блистаньи?
 Оно мерцаетъ, яко цвѣтъ—
 Во огненномъ *Твоемъ* сіяньи
 Зрю свѣтовъ Свѣта чудный свѣтъ.
 Ты свѣтишь—свѣтъ свой умножаешь.
 Течешь на западъ—возрастаешь,
 Отсвѣчиваясь тамъ—восходишь гдѣ изъ струй.

* *

Течешь на западъ—зажигаетъ
 Лучами звѣзды за собой;
 Мракъ ночи ими разсвѣиваетъ;
 Въ лунахъ питаетъ свѣтъ лучъ *Твой*—
 Какъ искры отъ огня родятся;
 Такъ еолницы отъ *Тебя* свѣтятся,—
 Тогда, когда горишь, *Ты* въ западѣ своемъ.

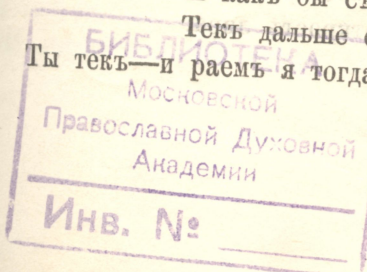
* *

Течешь на западъ—опѣиваетъ
 Главу въ струистыхъ сѣдинахъ—
 Звѣздами море засвѣчиваетъ,
 Горя и въ небѣ и въ волнахъ—
 Въ струяхъ вся твердь тогда сапфирна;
 Въ нихъ плаваютъ луна эфирна—
 Ты съ дольнымъ горняя, о Фебъ, соединишь.

* *

Но что тамъ? тамъ за океаномъ,
 Куда никто не досягалъ,
 Вдали въ мерцаніи багрянѣ
Твой зракъ краснѣе возблисталъ—
 И какъ бы съ свѣтомъ свѣтъ сливая
 Текъ дальше свѣтъ свой умножая—
 Ты текъ—и раемъ я тогда свой взоръ питалъ—

* *

Тутъ вдругъ Морфей взмахнулъ крылами
 Мой взоръ, не сердце усыпилъ—
 Его я окрыленъ мечтами,
 Въ слѣдъ сердцемъ за *Тобой* парилъ—
 Я зрѣлъ, какъ тамо *Ты* свѣтился,
 И какъ изъ свѣта въ свѣты лился!
 Сводъ звѣздный за *Тобой* во рѣдностяхъ горелъ—

* *

Морфей спорхнулъ—заря струями
 Свѣтъ розовый лила въ востокъ—
 Младыми юный день стопами
 Въ лучахъ передъ *Тобою* текъ.
 О! какъ тогда птенцы взвивались!
 Ихъ трели въ эхахъ разыпались!
 Отряси сонъ я рекъ: *Ты* паки Фебъ взошелъ—

* *

О, *Пастырь*, нашихъ дней фебъ мирный!
 Вечерни дни *Твои* я пѣлъ—
Тобою мой бряцалъ тонъ лирный;
 Вечерній Фебъ *Тобой* горѣлъ.
 Не хоръ передъ *Тобой* пернатый,
 Игралъ *Тобой* нашъ духъ крылатый—
 Сіяй—въ сердцахъ у насъ *Ты* въ вѣкъ не западешъ.

Сочинилъ Рит. учен. Герасимъ Сергіевскій.

6.

О Р Е Л Ъ.

О чудный въ свѣтѣ зритель неба—
 Наперстникъ Зевса—гербъ коронъ—
 Орелъ—любимецъ горня Феба!
 Позволь птенцу настроить тонъ.
 Позволь Тебя воспѣть—и окрыли безкрыла.
 Хоть тѣнь добротъ *Твоихъ* моя откроетъ лира.

* *

Въ воздухѣ крылья разширяя,
 Полѣтъ какъ простираешь свой:
 Пернатыхъ хоръ Тебя срѣтая,
 Дрожить—играетъ предъ Тобой—
 Ты Царь—и хищныхъ хоръ передъ Тобой трепещетъ—
 Отецъ—незлобныхъ взоръ Твоей любовью блещетъ.

* *

Паря—полетъ свой знаменуешь
 Стезей блестящею въ очахъ—
 Стезей путь къ небу показуешь,
 Въ эфирныхъ плаваая зыбяхъ.
 Съ громами Ты, какъ громъ, какъ молнія летаешь—
 Ты въ тучахъ быстръ, разишь, палишь и оживляешь.

* *

Когда вѣяшь подѣ облаками,
 Надъ бездной плаваешь морей;
 Изображаясь водѣ струями,
 Плѣняешь всѣхъ красой своей—
 Ты дивенъ на земли—и дивенъ въ небесахъ
 На небѣ—на землѣ ты равенъ въ чудесахъ.

* *

Птицъ хищныхъ когти вознесенны
 На пѣжныхъ горлицихъ Ты зря,
 Разишь ихъ когти дерзновенны,
 Со свистомъ съ горнихъ мѣстъ паря—
 Ты страшенъ для враговъ, щадишь однихъ невинныхъ—
 Ты малыхъ птицъ не бьешь—и не страшишься сильныхъ.

* *

До сферы солнца ты взлѣтаешь,
 Вѣдя съ собой птенцовъ своихъ—
 Лучами солнца ихъ питаешь—
 И зришь въ нихъ лучахъ Твоихъ—
 И кто бѣ изъ смертныхъ могъ на солнце зрѣть очами?
 Ты зришь его—его питаешься лучами.

* *

Отецъ птенцовъхъ соперенныхъ!
 Тобою мой парилъ орелъ.
 Тобою духъ мой окриленный
 Съ Тобой предъ солнце возлетелъ.
 Тебѣ моя—Тебѣ—Отецъ гремела лира
 Я пѣлъ Тебя? птенецъ? Тебя поетъ пол-міра.

Рит. учен. М и р о н ъ Л е б ѣ д е в ѣ .

7.

РОЗА ЗИМОЙ.

Муза младая!
 Въ мразъ разцвѣтая,
 Розы, лилеи срывай—

* * *

Ими увившись,
 Грудь разрядивши,
 Такъ къ Аполлону ступай—

* * *

Тамъ предъ стопами
 Съ сими цвѣтами
 Горняго феба прострись—

* * *

Но съ Геликона
 Лирна средъ тона
 Богъ коль спросить Тебя—

* * *

Какъ цвѣтутъ розы
 Въ люты морозы?
 Въ коихъ садахъ ихъ рвала?

* * *

Тамъ скажи, лучъ Твой
 Гдѣ лѣтъ свѣтъ свой—
 Садъ гдѣ разводишь молодой—

* * *

Онъ не увянетъ;
 Коль не престанетъ
 Взоръ Твой блистать на него.

Рит. учен. Павелъ Смирновъ.

8.

IUPITER.

Cedunt Iovis omnia regno. Met lib. X. eleg. IV.

Solliciti placidus Morpheus gravitate laboris
 Tempore nocturno recreat mea languida membra.
 Ille superuditans, tremulis movet aëra pennis;
 Omnia jucundum spargit per membra soporem,
 Expelli somnum mihi non passurus.—Amictu
 Puniceo non dum Pallantias exit; et ipse
 Praevius aurorae non surgit ab aequore rubro
 Lucifer. Ast ego, queis Morpheus, velamina pando,
 Textit; et assurgo vel non patiente sopore
 Surgere me: quoniam somnum nigra somnia rumpunt.
 Somnio quod, vigilans video, (mirabile dictu)
 Sceptra tenens Neptunus adest, saevoque tridente
 Percussit viridem terram; percussa tremiscit;
 Dissiliens motu patulos reclusit hiatus.
 Hinc multi rivuli tractim glomerantur aquarum,
 Faucibus angustis haerente rubigine tecti;
 Expansique ruunt celeri per aperta locorum.
 Sternuntur segetes, fruges, fructusque: colonis
 Vota jecent, longique perit labor irritus anni.
 Percurrit campos, aequorque refundit in aequor,
 Constringit duo fluctus, et aequera nova resignat.
 Undarum incursu nutant in vertice silvae.
 Altera concutitur; nunc culmine tangit arenas,
 Et fixis terrae superat radicibus undas;
 Culmine nunc sursum; tellus quasi vertitur ipsa:
 Fluctibus in mediis validis radicroûs haeret
 Altera sexcentisque malis immota resistit;
 Attamen haec patitur juga, quae super exilit, undae.
 Obruerat tumulos immensa licentia ponti;
 Pulsabantque novi montana cacumina fluctus.

Omnia pontus erat, deerantquoque littora ponto:
 Quippe super segetes currunt.—Sub gurgite turres
 Nereides mirantur, aquis cecidisse superbas.
 Fluctibus alta sedet nubes; jacet ima sub undis.
 Omne latet coelum; duplicata est noctis imago.
 Astra suprema fretum credas descendere nigrum;
 Inque plagas coeli tumefactum scandere pontum.
 Nil oculos tangit, nisi feruida spuma; nec aures
 Quid penetrat, nisi murmura saeva, notusque marinus.
 Hei mihi! quid faciam, qui no medias maris undas?
 Hei mihi! quippe mali moles est durior arte.
 Hoc patior semper, semperque renascor eidem.
 Pars maris intus adest; nec spes, nisi vana, salutis.
 Deficit ars, animusque cadit, totidemque videntur,
 Quot veniunt fluctus, ruere, ac irrumpere mortes.
 Obruit unda caput; pedibus nigra tartara tango.
 Insinuat per corda novus, curritque per ima
 Ossa tremor: jam sum medio discrimine mortis.
 Io! quid ego tandem video? mirabile dictu!
 Iupiter ignipotens coelo descendit ab alto:
 Cum sonitu vibrat tremulas per nubila flammæ,
 Flammiferaeque volant magnum per inane sagittæ
 Discutiunt nubes. In tempora vertitur ær.
 Panditur et coelum; tristis caligo residit;
 Nubibus excedunt stellæ superantque vaperes.
 Iupiter inferius cedit, tetisque recinctus
 Discindit rapidam tumidamque tricuspidè Tethyn.
 Gurgite perfragilis praeceps ratis exit ab ima.
 Ad vitam moribundus eo; nec, nescia flecti,
 Me terret Clotho; nam retro sua fila revolvit.
 Neptuni cadit ira ferox; gravis unda remittit
 Saevitias; aestus rutilo frigescit ab igne.
 Murmura mutescunt; fluctus nec tollit ad astra
 Albentes spumas. Sinuata revolvitur unda;
 Praecipitata triplos geminat, geminosque retardat
 Passus: nec facies tremulas, quas ipsa recepit,
 Reddit. Arena jacet gracilis, nec tollitur undis.
 Iam mare littus habet; plenus capit alveus amnes.
 Flumina subsidunt; colles exire videntur.
 Surgit humus; crescunt loca decrescentibus undis.

Cur ego remigiis, quo me fidissima navtis
Ursa trahit, subigo navem: peto littora tandem.

Addo gradum.—Montem video, pulsans latus unda
Frangitur; inque sinus scindit se lympha reductos
Tempestas silet atra. Iacet sine murmure pontus
Est hoc sollicitis navtis tutissima sedes.
Qua laetus properos passus sub monte repressi,
Et stupeo tanta confusus imagine rerum.
Vere novo vestitur humus, vestitur et arbos;
Ridet ager; gramenque recens et roboris expers
Furgescit. Zephyri spirant, et prata relaxant;
Quoque volant, mulcent flores sine semine natos.
Non ubi saevit hyems; tenues nec stringit aquarum
Carsus, nec cogit lucum deponere fructus
Et frondes. Cadit ambrosius de culmine montis
Ros croceum qui perdere non finit arva colorem.
Solliciti veniunt omnes huc, hicque quiescunt.
Vivite felices, quibus est fortuna peracta:
Parta quies vobis, nec saeva procella per undas
Andebit tremulas ventis agitare carinas

Te Plato! perfugium nostrum, mea Musa celebrat.
Non Iovis aérias dispellunt fulmina nubes;
Vox *Tua* divina fera pectora luce penetrat,
Disturbat mentis tenebras; animique tumultum
Componit portum pandit non Arctos amoenam;
Mens *Tua* coelestis trahit et fovet anxia corda,
Vive diu, fascisque tene, cursumque retarda.
Te duce pervenimus patriae coelestis ad oras.

Fecit inferioris latinae classis praeceptor Nicolaus Platonov.

9.

VERA GLORIA.

Diva! quae ludis manibus dolosis
Pauperum sortem, soliumque regum;
Quae superba attollere amas, in ima
Deprimis alta.
Res sat est versare tibi caducas.
Ast ubi Pallas Probitasque regnant:

Non timet dives, nec egens inani
Te prece placat.

Ille terrarum renidet serenè
Angulus; quamvis hyemes feroces
Contrahant coelum: recreatque pleno
Copia cornu.

Nam patent semper reseratae egenis
Divitum gazae; innocuis potentum
Tecta; non dites redolent odorem,
Vim ve potentes.

Largitas musis animos tenellis;
Castitas exempla dat: orbitati
Caritas praesens vigilat; Deique
Templa resurgunt.

Huc vocat coetus hominum Minerva,
Inque desertum, solio relicto
Confluunt Reges, videant ut, haud quae
Credere possunt.

Huc tuos, fortuna, age; quas recusas,
Ut voluptates capiant ab almo
Adspectu, largaque manu, et perrenni
Ore *Platonis*.

Rhet. discip. *Basilius Gtzelski*.

10.

Ο ΤΗΣ ΕΥΔΑΙΜΟΝΙΑΣ ΝΕΩΣ.

Ἄνθων μέσσοθι γλαυκῶν,
Μηδ' εἶναι θυέλλην οὔ,
Νέφους μηδὲ βέβαιον.
Οὐ νεὼς σκιάμενος
Δένδροις τοῖς πολυφύλλοις,
Κτιθεὶς ἐν ἁδαμάντι·
Τὸ μὲν αἰώνιον ἔστιν.
Ῥόδδων μὴ χροά δύσχρους,
Κάλλη δ' αὐτοθι πλεῖστα,
Πνεῦσαι πάντα δοκοῦσι,
Μὴ δυνάμενα θνήσκειν.
Κῆποι, χώρατά, λώστοι,

Χαρτοὶ τοὶ περὶ μουσῶν
 Ῥόδων στέφανος αὐτοῖς.
 Φρόνησιν ἐπαγωγαί
 Αὐτοῦ οὐ ἐπάγονται,
 Οὐ οὐκ εἰσὶν ἀκάνθαι,
 Ἀλλὰ πάντοτε κρίνα,
 Ἐκρωτήρια χρυσᾶ.
 Ποῦ τ' ἀναίτιον οἰκεῖ,
 Εὐδαιμονία αὐτοῦ,
 Πλοῦτος καὶ τ' ἀνάριθμος,
 Ἄνθρωποι τ' ἀθανάτοι.
 Θερμοζήρις ὁ Φοῖβου
 Μεῖζων ὢν ἱερομύστης,
 Δοξαθίς ἀπ' ἀρχόντων,
 Οὐ καὶ λόγος ἐνεργής.
 Ὀκτὼ δις τριάκοντα
 Χρόνοι, ἥλιος αὐτόν
 Ἄνεσκέπτετο, εἰσὶν.
 Μέσαις νυξὶν ἐν οἴκοις,
 Παντες σβεννῦσι λύχνους.
 Ἀλλ' αὐτοῦ λαμπρὰ φωνή,
 Πλήρης μέλιτος αὐδὴ.
 Φοῖβος, στέφανος αὐτοῦ,
 Ἄρκτος, πορφύρα τ' ἐστίν,
 Κάλλος ἀγγελικὸν ἦν,
 Ὅρθῳ γράπτον μετώπῳ
 Τὸ φρονήματος αὐτοῦ
 Φοτεινότερον ἄστρον,
 Ζωῆς φίλτατον αὐτῆς.
 Βλέψει; οὐρανὸς γηθεῖ.
 Βαίνει; ἄνθεα ἀνθεῖ.
 Ὃς ἐνθήμενος λευκοῖς,
 Ὡμοῖως Λίνος, Ὀρφεύς,
 Ἄσει πώποτε λύρα,
 Λέων, τίγριδες, ἄρκτοι
 Ἦσαν εἰς τ' ἐπακούειν,
 Καὶ λέχειν ποδᾶς αὐτοῦ.
 Ἐξελθόντες κάτυροι
 Ἄμφ' ἐσκίρταον αὐτοῦ,
 Ποιοῦν δένδρια τ' αὐτά

Πέτροι ἡθένες ῥῶδη
 Κατεβαινον ἀπ' ἄκρου
 Φωνῇ πρὸς τὸ προσέχειν.
 Αὐτὸς, πάντες ἐκεῖθεν
 Ναῶ θέλοντες εἶναι,
 Εἰς αἰώνιον ἄγει.
 ὦ μοι, πρόστατα, συγγνῶς,
 Εἰ βηθάνια νεώς,
 Ὀδῆγος Σὺ καλήσῃ...—

Ὁ τῆς Θεολογίας φιλομαθῆς Ἰωάννης Λεγόνιν.

11.

Sincerus alumni Musarum animus absente

A P O L L I N E.

O mihi nunc votis flecti non nescia Musa,
 Quae semper doctis prompta favere viris;
 Tu Dea doctorum totum veneranda per orbem,
 Numen quisque tuum voce precante vocat.
 Te sociam ducemque sibi numerosus habebat
 Flaccus, qui Romae fama decusque fuit.
 Per te sollicitas didicit propellere curas
 Vates infelix, arte levando tuâ.
 Mantua quem genuit, per te spirare Poëta
 Consuevit numeris carminibusque suis.
 Quis non sollicitabat adhuc te voce rogante,
 Qui modo suscepit non leve tardus opus?
 Quis te nunc etiam, si tendit in ardua saevus,
 Non rogat, ut prosit grande laboris onus?
 O Tu Pierii montis regina venusta,
 Quae tibi nunc laudum dona ferenda putem?
 Qua lavro redimire decet tua tempora flava?
 Qui tribuatur honor promeritusve tibi?
 Desere nunc Helicon tuum, precor, atque benigna
 Cultorem subeas, subsidiumque feras.
 Est mihi nunc animus, qui tendit ad ardua sponte;
 Suscipit Insignem nunc celebrare Virum
 Est mihi nunc animus; sed vires sentio parvas;
 Ad te confugio, spesque fidesque mea!

Te precor, ignarum doccas Parnassia vatem;—
 Annue nunc coeptis non inimica meis.—
 Vivimus in sylvis, desertaque moesta tenemus;
 Vivimus, et raros lumina nostra vident.
 Me quocunque feram, nihil est, nisi tristis imago
 Rerum, nec laeti quicquid adesse putem.
 Taedia dira premunt animos, et gaudia cuncta
 A nobis longè non reditura fugant.
 Quicquid adest pectus longis angoribus implet
 Nil oculos, aures, nil quoque corda juvat.
 Fit pax atque quies; ast heu! pax ista profunda
 Terrorem nobis amplificare solet:
 Iamque volant simulacra modis pallentia miris,
 Quae se cum portat noctis opaca quies.
 Nunc quoque dum regnant ignavae frigora brumae,
 Quam tristis species hisce videnda locis!
 Iam saevus Boreas gelido bacchatur ab Arcto;
 Horrisonus nobis incutit ille metum.
 Cuncta dolent saevo venti percussa furore,
 Et nive decidua terra gravata jacet.
 Vix itur pedibus, nostrum cursumque moramur;
 Praecidit cumulus candidus ille viam.
 Eximus ex laribus, qui corpora nostra tuentur,
 Tempora mox juvenum canitiaeque nitent.
 Cernimus, ut, patulis quae culta fuere copillis,
 Amissum doleant arbuta nuda decus.
 Cernimus, ut, quae floriferâ modo veste nitebat,
 Marmoreo rigeat condida terra gelu.
 Cernimus, ut rivus, qui sidera cuncta ferebat,
 Vincula nunc portet, nec sonet unda levis.
 Cernimus, ut sol auricomus nunc versus ad Austrum
 Imminuat lucem, corripiatque diem;
 Ut coelum tempestates inducat opacas,
 Ut Scythicus ventus spiret ab ore minas.
 Omnia jam moerent; nos hic moeremus et ipsi:
 Quantus desertis nos tenet hisce dolor!—
 Ast ego cur questus emitto? quid ora loquuntur
 Dura? trahit quò me mens queribunda mea?
 Oblitus nunc ipse mei quae, nescio, verba
 Inculto jactem saevus ab ore meo.

Num quid ego thyrsos tactus? num pocula bibi
 Lethes, quae pectus non sinit esse memor?
 Utrum vana meas mentes insomnia ludunt?
 Num vigilant sensus in mea damna mei?
 Heu! ego nunc video prorsus contraria dictis;
 Non manet haec species, quae mihi visa fuit.
 Nos Heliconae sacrum colimus, qui surgit in altum;
 Attollunt et nos culmina juncta polo.
 Exsuperat ventos, tempestatesque sonoras
 Sedes nostra sacro concelebranda choro.
 Atlas ut Lybicus, qui rex fuit ante peritus
 Coeli, piniferis percutit astra jugis;
 Atque secat flammam et rauca tonitrua calcit,
 Dum nubes infra fundere cernit aquas:
 Non secus et noster Parnassus respuit iras,
 Incensus quibus hic Aeolus ille furit.
 Frigora non violant excelsi montis honores;
 Intactum Boreas ipse colitque decus.
 Hic floret semper laurus, nec fronde caducâ
 Carpitur, aeternum sic habitura decus.
 Hic fons Castalius vitreo torrente superbus
 Nunquam constrictus sub nive voluit aquas.
 Hic ver perpetuum regnat, non ullus acerbae
 Est brumae locus hic; omnia namque virent.
 Nil igitur positi sacrato vertice montis
 Horremus; nec sunt ulla timenda mala.
 Quid nobis faciat frigus? quid saeva procella?
 Qui caelum nigrans, nubila coeca ferens?
 Non Mars, non Bellona suo metuenda tumultu
 Hic tonat; et nobis causa timoris adest.
 Bella parent; totum quatit discordia mundum;
 Nos juvat assiduò pace vigente frui.
 Fac rerum species mundo confusa ruinam
 Praemoneat terrae sidereiue Poli:
 Nos sumus immoti; nec saeva pericla timemus:
 Altitonans seruat culmina grata sibi.
 Phoebus innociduus nobis Helicone coruscat,
 Atque fovet radiis pectora nostra sacris.
 Phoebus adest; o quanta manent hic gaudia semper!
 Exultant nostri lactitiis amini.

Phoebus adest; phoebe socios nos esse videmus;
 Conspicitur semper vultus et ora Dei.
 Phoebus adest; nobis hic avrea flumina manant;
 Ganges ac Hebrus dona minora ferunt.
 Phoebus adest, nostrae decus indelebile sedis;
 Non nemus Hesperium gaudia tanta ferat.
 Assyriae non tam clarus fuit hortus amoenus;
 Clarior est noster fertilitate suâ.
 Phoebus adest, et foecundans infunditur omnes
 Sylvestres tractus, cultaque prata calor.
 Hortus fert fructus hyemis per tempora dira;
 Aeternus florum prata decorat honor.
 Hic sedes, hic nostra manet gratissima nobis!
 Hic Phoebi lumen nos celebrare juvat.
 Hic illum canimus; cantus educit ab ore
 Majestas vultus conspicienda Dei.
 Parnassus resonat nostris nunc vocibus almus,
 Et ducit laetus festa verenda sibi:
 Sidera de terris nos transmigrasse videmur;
 Iam secreta Deum cuncta reclusa patent.
 Cernimus, ut Divi disponant abdita fata,
 In genus humanum quae valitura cadant.
 Huc nos extollunt, rapiunt huc gaudia sacra,
 Quae nunc jam nostri non capiunt animi.
 O Tu Phoebe sacer, qui fundis munera tanta,
 Quivae tuos omnes luce micante foves!
 Phoebe sacer, tibi quae referam nunc munera laudum?
 Quae tibi nunc possunt ora ciere modos?
 Ast heu! vincuntur penitus praeconia nostra;
 Non est pro meritis gratia digna tuis.
 Phoebe sacer, splende nobis per saecula cuncta;
 Splende Pierio luce fauente choro.—
 Ast quid ego? cui nunc facio mea candida vota?
 Quò rapiunt mentem gaudia blanda meam?
 Ad Poebum converto meam de pectore promptam
 Vocem; sed Phoebus; proh dolor! almus abest.
 Frustra me fallo verbis, et blandior ore;
 Non magis Aonia cernitur arce Deus.
 Elusus puto me praesenti fundere voces;
 Ast me mens fallax atque caduca tenet.

Deseruit nostri Musas Heliconis alumnas
 Cum non deseruit cura laborque vigil!
 Non nostris praesens oculis est Divus Apollo,
 Sed praesens nobis ille favore suo.
 Corpore pierides non cernitur inter amicas,
 Ast animo propior semper adesse solet.
 Hic Phoebus procul a nostra regione remotus
 Non removet geminis lumina grata jugis.
 Ergo nunc meritò, praesens velut, ille colendus
 Est nunc facundis grandisonisque modis.
 Absens vividius vultus informat amicos
 Mentibus in nostris pectoribusque simul:
 Praesentem pariter canimus, pariterque remotum;
 Non spatium removet pectora grata loci.
 Hic nostris animis charum complectimur illum;
 Adjungunt animi cuncta remota sibi.
 Hic Illum celebrare juvat; celebrando, maligna
 Non sentitur hyems; frigora nulla premunt.
 Aeolus et Boreae fugiunt loca sacra Camoenis;
 Pax ibi summa viget, cordaque nostra fovet.
 O Tu, bruma ferox, canis adoperta pruinis,
 Sis procul à nostris non nocitura locis.
 Sis procul; aestatis nobis nunc mentio fiat,
 Dum natura viget, prataque cuncta nitent.
 Cultor naturae magnus tunc luce serenâ
 Deserit ex templo tecta tuenda Deo.
 Exit, et adsplendent ipsi tunc omnia mundo;
 Soles exardent candidiore die.
 Incedit graviter; circum jam gaudia florent;
 Telluris Phoebum suspicit ipse polus.
 Fert oculos circum; Naturaque cuncta triumphat,
 Et gaudet magno se placuisse viro.
 Scilicet illa suum gremium decorata revelat,
 Explicat omne decus, donaque cuncta Patri.
 Ille petit nemus umbrosum, quo pellitur aestus,
 Soles ardentes ut levet umbra silens.
 Hic sua membra super molles viridesque reponit
 Herbas, quae replent nectare cuncta suo.
 Iucundumque nemus faciles dat frondibus umbras,
 Soles arcenti frigore mulcet Eum.

Guttur vernat avis; cantus emittere gratos
 Nititur in laudes aemula facta Viri.
 Laudibus ille refert grates pro laudibus istis,
 Laudandoque magis concitat ille chorum.
 Pauló post surgit, passus aliòque reportat;
 Prata videt, gaudens prataque laeta petit.
 Hic oculos feriunt variorum lumina florum;
 Et spectatori quisque placere studet.
 Nectareas hic ore suo tunc imbibit auras;
 Aëra perfundit campus odore suo.
 Non raro fit, ut inclinet sua membra, senili
 Dextrâ quó florum sarta decora legat.
 Dilectos carpit tandem, manibusque tenendo
 Delectatur iis, nectar et haurit ovans.
 Aspicit hic claros fontes, qui murmure blando
 Demulcent aures, ora liquore suo.
 Aspicit, ut dulces lymphæ sinuantur in herbis,
 Silvaque quas ripas non numerosa tegat.
 Visitat interdum latè manantia stagna,
 In quibus argentum semper et avra nitent.
 Undis in summis supereminet insula pulchra,
 Quae non densatum portat amoena nemus.
 Silva viret, ramosque suos depingit in undis
 Ingeminans umbras sole nitente suas.
 Firmiter in mediis undis defixa tenetur;
 Constituit nostri sic decus omne freti.
 Dum sol purpureus stagno resplendet in illo,
 Offertur species conspicienda Viro.
 Quantaque percellunt oculos spectacula Divi,
 Omnia dum stagno coela serena nitent!
 Purpura clara micat, cum Phoebus vergit in undas;
 Ignibus ardescit coerulea lympa vagis.
 Cernit, ut auriferis tunc piscibus unda patetur;
 Illorum fiat lusibus atque tremens.
 Pluraque quid referam? loca vel deserta triumphant
 Praesenti Magno sic habitato Viro.
 Gramineo ponit non raró membra sedili,
 Naturam verbis prosequiturque suis.
 Naturae miratur opus, miratur et Ipsum
 Naturae Dominum, Magnificumque Deum.—

Agnoscit, quae cura Dei sit provida nostrum;

Propter mortales omnia facta probat.

Omnia perlustrat, latè quae continet orbis;

«O Deus, exclamat, quam venerandus ades!

«Aestas, autumnus, calidum ver, frigida bruma

«Tempora permutant ordine perpetuo.

«Haec, quae naturae nunc ornamenta videmus,

«Dispersit per agros dextera larga tua.

«Iam sol Hesperias latitans descendit in undas;

«Cras iterum nobis pulchrior ille redit.

«Nunc natura viget, fulgentque decoribus arva;

«Frigida bruma venit; cuncta venusta cadunt.

«Vere novo redeunte statim perculsa resurgent;

«Parturit almus ager, prosilit atque rosa.

«Sic homines mors saeva rapit, sic lumina morte

«Clauduntur, Stygias sic adit omnis aquas;

«Nascimur et morimur, sic mors ab origine pendet:

«Nullus fatales vitat in orbe rogos.

«Gloria sed coelis, quod corporis interit umbra,

«Non totum corpus; mensque pervennis erit.

«Gloria magna Deo, quod corpora nostra resurgent,

«Et cum mente Dei jam copulentur ibi:

«Pubescit semper coelis mutata senectus,

«Atque senescit ibi mente juvenia vigens.

«O sedes optata mihi! desidero totus

«Auxiliante Deo limen adire tuum».

Talia Naturam miratus mittit ab ore,

Ipsaque miratur pectora docta viri,

Arridet gaudens augusto leniter ore

Tunc Natura Viro, pulchrior atque fauet.

Omnia sic venerantur eum; totumque per orbem

Concelebrant; virtus praemia semper habet.

Dum nos res gestas ejus pervolvere mente

Audemus, pectus gaudia magna capit.

Sic animus fertur semper celebrare Patronum

Absentem, cujus permanet hic animus.

Altamen in nobis spes est, spes firma videndi

Illius in nostris ora colenda locis.

Quam bona spes nobis! quantum nos roborat illa!

Spes facit, ut nobis non gravis adsit hyems.

Adveniat ver, et calidissima solibus aestas;
 Cernamus rursus visere prata Virum.
 Tunc iterum nova percipiat jam gaudia pectus;
 Unica materies laudibus unus erit.
 O veniant citius felicia tempora veris;
 Florentes veniant in loca nostra dies!
 Ast quid nunc opto? veniat modo noster Apollo;
 Mox deserta suis luxurient opibus.
 Consitus irradiet Parnassus flore decoro;
 Laurus circumdet tempora sacra Chori.
 Tunc juga jam latè resonent modulamine grato,
 Musarum voces percutiantque polum.
 Nostrum desertum sic nunquam deserat Ille,
 Sed sibi dilectos hos habet usque locos.
 Ast nunc absenti Musae sua munera portant;
 Edunt laudantes optima facta sonos.
 Haec est orta dies, nomen quâ cuncta celebrant
 Illius augustum, conspicuumque decus.
 Nomine signatur lux haec praeclara *Platonis*,
 Cui soli debet nomina tanta dies.
 Omnes parnassi concentibus aëra complent;
 Et noster minimè carmini cedit iis.
 Non cedit, sed coela petit, terrenaque cuncta
 Despiciens Superum facta stupenda canit.
 In superis miratur eum, miratur in Illo
 Et superos: tantum coela dedere Virum.
 Anno quoque dies reparatur candida nobis,
 Quam nos perpetuo sic reparasse juvat.
 Omnibus omnem sic vitam facit illa beatam
 Unius una dies; omnibus una fauet.
 Dum venit illa, Patri filios afferre juvabat
 Munera: qui jam nunc ista referre negent?
 Ast quid ego? quae dona parent aequalia tantis
 Ejus pro meritis? nomina quanta dabunt?
 Ille suis omnes donis excellit honores:
 Virtuti dignus non manet ullus honor.
 Est honor, est pretium, sed tunc, cum possidet astra:
 Virtus splendidior splendiora petit.
 Quid nobis igitur restat? quae magna supersunt,
 Ille quibus major non reputandus adest?

Haec offerre decet semper, quaecunque solemus;
 Cordi sunt isti candida corda Viro.
 Aërios ferimur per campos, atque fugaces
 Negligimus nubes, praecipitesque Notos.
 Non hyemis frigus, non vis Aquilonis iniqua
 Per campos nostrum jam remoratur iter.
 Omnia sic cedunt nobis; et numina coeli
 Nostrum fernorem non retinendo probant.
 Confugimus mox ad Phoebum nostrumque Patronum;
 Effundunt sensus pectora grata suos.
O Tu Magne Pater, cujus lux splendet amoena,
 Vel tibi disjuncto jungimur hacce die.
 Absens non deeris nobis, desertaque nostra
 Tutorem Genium Te didicere suum.
 Non sic hospes ades, seo praeses semper inhaeres
 Nostro Parnasso, qui tua facta canit.
 Excipe nunc igitur, quasi praesens, pectora grata:
 Excipiens nobis excipiaris item.
 Te cito venturum sperat Bethanica Musa:
 Fac spes non fallat dedita corda *Tibi*.
 Erga Te fuerant, et erunt haec talia semper,
 Qualia *Tu* nobis semper inesse cupis.
 Fecit praeceptor Rhet. et Poes. Niceph. Platonoff.

12.

I A N U S.

Emblema prudentiae.

Sacra Dei splendent Iani penetralia Romae,
 Auro perfusis centum sublimia fulcris;
 Cum Phoebi radiis certant splendore corusco;
 Argento fulgent postes et limina latè,
 Et surgunt media antiquo de marmore tecta;
 Materiam Alcimedontis opus superat. Sedet alto
 In solio geminâ mirandus imagine Ianus,
 Canities cujus divinum spirat odorem,
 Praevidet elapsum, et praesens, et mente futurum;
 Consilium vultu regit, et dat pignora pacis,

Iura viris, leges statuit venerandus in orbe:
 Iam senior terras et coelum numine torquet.
 Dextra tenet cujus clavem, virgamque sinistra;
 Post gelidos brumae menses Titane reverso
 Anni praebetur tacitè labentis origo
 Clave; caput profert mensis, qui nomina Jani
 Servat, et hîc bis sex spirant altaria fumo;
 Thure calent, numerum totidem cum mensibus aequant.
 Panditur ad superos ejus via clave reclusa;
 Stinc quisquam Iani templis imponit honores,
 Illi per Ianum ut liceat sperare salutem
 A superis, quorum templo est pia corda laturus.—
 Haec est, quam Ianus praebet, prudentis imago!
 Quidquid agat, cernit, quae sit concessa labori
 Finis, et evitat cautè praevisa pericla;
 Prospicit, an prosint rebus primordia coeptis;
 Ast etiam pandit praenuntius ora futuris;
 Armat clave manum, semper quâ arcana revelat;
 Cognoscit mores, et pectoris ima penetrat;
 Fert divis quo thura magis de pectore grato:
 Majori prudens fulget decoratus honore,
 Conjungitque magis divino pectus amore.—
 O Plato! te gracili calamo mea Musa canebat.
 Mira Tuos praesens armat prudentia mores,
 Et gravitas animi dispersit tempora canis:
 Iam senior factis Iano succedis in orbe;
 Pandis ad astra vias afflatus numine summo;
 Ad Te confugiunt omnes, ut vota secundet;
 Omnipotens; per Te precibus placatur in irâ;
 Ipse Deo magis es gratus, dum numen adoras.
 O Plato, sancte pater! magnum nostri decus aevi!
 Vive diu felix; quod nobis ipse precaris.—

Fecit Rhet. discip. Michael Gorjainow.

13.

П Ъ С Н Ъ.

Вскипѣла кровь,—крыла пушисты
 Простерлись въ мигъ по раменамъ;

Возжгли всю грудь восторги чисты,
 Взвился я къ горнимъ небесамъ;
 Касаюсь облаковъ главою,
 Зрю грады, царства подъ собою,
 Зрю все, какъ смерть разить стрѣлой,
 Громады какъ отъ бурь валятся,
 Трещать кремни,—и въ пыль дробятся,
 Подъ тяжкой времени рукой.

Смотрю на чудеса природы,
 Внимаю стукъ часовъ,
 Брегами зрю стѣсненны воды,
 Зрю длинны цѣпи горъ, лѣсовъ,
 Луга раскрашенны цвѣтами,
 Поля обильныя плодами,
 Всего зрю міра красоты.
 Все вижу я,—но сердце бьется;
 Отъ рвенія вся грудь трясется;
 Увы! что вижу, все мечты!

Небесный геній,—вѣстникъ мирный
 Спустился съ горнихъ дальнихъ странъ;
 Скажи мнѣ древній тонъ псалтирный
 Дай чудодѣйственный органъ,
 Зарей лучами обложенну
 Воспѣть дщерь неба воплощенну;
 Портретъ нарисовать ея.
 Скажи, гдѣ краски тѣ хранятся,
 Которы для Боговъ рождаются,
 Душа истаяла моя.

Ея рукою окрыленный,
 Касаюсь облаковъ челомъ,
 Огнемъ ея воспламененный
 Обтекъ вселенную кругомъ,—
 Сады гесперіи богатой,
 Водами видѣлъ Нилъ чреватой:
 Но цѣль свою я не нашель;
 Дѣла природы не чудесны,
 Богини мудрой и небесной
 Лишь слабыя черты я зрѣлъ.

Плѣняетъ духъ и взоръ лучами
 Огнистое свѣтило дня;
 Но только полгода огнями
 Насъ согрѣваетъ свѣтъ лѣя;
 Когда путь къ западу склоняетъ;
 Въ природѣ кровь вся застываетъ,
 Спитъ все подъ зимнею корой;
 Богини мудрыя благія
 Горятъ всегда лучи златыя,
 Не знаемъ мы зимы зимой.

Блеснула молнія—алтарна
 Я къ горнимъ бросилъ взоръ странамъ,
 Изъ облака снѣжно-янтарна
 Простерся гласъ къ моимъ ушамъ,
 Чувствительный пѣтъ щастливый
 Твои восторги справедливы!
 Но знай, что кисть твоя мала,
 И краски на земли нѣтъ сродной
 Изобразить огнь животворной,
 Ты слабъ воспѣть ея дѣла.

Брось кисть,—спустись въ свои предѣлы
 И лиру малую разбей;
 Иль чувствуя восторги смѣлы
 Лѣти на звѣздный эмпирей,
 Пари въ предѣлы отдаленны,
 Пробейся сквозь міры стесненны
 И тамъ словамъ Боговъ внимай.
 Исчезло облако, сокрылось
 И чувство новое родилось
 Взвился Олимпа я на край.

Злато-сафирныя чертоги
 Восхитили мой духъ и взоръ,
 Я вижу, слышу тамо Боги
 Заводятъ тихой нѣжной споръ.—
 Кто тамъ! гдѣ мечъ мой изощренный
 Жнетъ все, какъ трости изможденны,
 Мой преломилъ златый металлъ?
 Средь вихрей, бурь и подъ громами,

Стоитъ не уязвленъ стрѣлами,
Сатурнъ Зевеса вопрошалъ?

Кто сей одѣтый весь огнями?
Чей громъ въ подсолнечной гремитъ?
И животворными струями
Чей свѣтъ по всѣмъ мѣстамъ разлитъ?
Предъ кѣмъ блеститъ, все разцвѣтаетъ,
Кто солнца бѣгъ останавливаетъ,
Смиряетъ преніе стихій,
Изгибы сердца провищаетъ,
Златыя жалы притупляетъ
Эхиднѣ сизоблестящихъ змій?

„Такого славнаго Героя
Еще я никогда не зрѣлъ,
Орфейски лиры громки строя,
Такого свѣтъ еще не пѣлъ.
Блистала истинна собою
И Титъ щедроты лилъ рѣкою,
Гомеръ лѣса съ собой водилъ,
Плѣнялъ и Демосѣенъ устами,
И Зороастръ владѣлъ сердцами:
А сей въ себѣ всѣхъ помѣстилъ.

Отецъ вѣковъ,—Сатурнъ почтенный!
Ты не грози ему собою;
Герой сей всѣми восхваленный
Мой сынъ, любимой, дорогой.
Отъ самой юной колыбели
Мои огни въ немъ вспламенѣли
И свой я свѣтъ въ него влила,
Моимъ щитомъ онъ тамъ блистаетъ,
Гигантовъ гордыхъ поражаетъ,
Минерва вставши такъ рекла.

Какъ смѣло, дерзко ты вѣщаешь,
Облокотясь рукой на тронъ,
Себѣ Героя присвояешь,
Рекъ на слова ей Аполлонъ?
Не я-ль душъ слабыхъ врачеванью
И будущихъ временъ гаданью

Отъ юныхъ лѣтъ его училъ?
 Не мной ли править онъ сердцами?
 Не я-ль блистаю въ немъ лучами?
 Не мной ли всѣмъ любезенъ,—милъ?

Дщерь мудрая моя благая!
 Сынъ мой! твоя Латона мать,
 Рекъ Зевсъ огнемъ своимъ блистая,
 Престаньте межъ собой роптать,
 Окончите свой споръ сей миромъ;
 Мы трое всѣ въ лицѣ единомъ
 • Блистаемъ, славимся, живемъ.
 Я самъ его благословляю
 И дни ему я прибавляю
 Онъ чуденъ мной, я дивенъ въ немъ.

Пресѣклась сладка рѣчь Зевеса,
 Изъ храма Боги потекли,
 Вдругъ скрипнули міровъ колеса,
 Себя я вижу на земли,
 Глаза мои осиротѣли;
 Но всѣ слова со мной слѣтели—
 Я вижу, слышу тихій тонъ,
 Всѣ боги на Тебя взирали.
 Отецъ! они въ Тебѣ создали
 Блистательный и пышный тронъ.

Блистай Зевеса сынъ любимый,
 Въ Тебѣ между Боговъ былъ споръ.
 Теки его рукой водимый,
 И освѣщай весь музъ соборъ
 Самъ Царь міровъ тому свидѣтель,
 Что благъ прямыхъ Ты еси содѣтель.

Студ. Богосл. Яковъ Скворцевъ.

14.

ТОРЖЕСТВО МУЗЪ.

Блеснулъ времянь сынъ златокрылый,
 Блеснулъ—и скрылся въ мигъ отъ насъ;
 Какъ солнца лучъ прелестный—милый
 Мелкнулъ—и въ вѣчности погасъ;

За нимъ то огонь, то громъ разлился,
 Вспылалъ воздушный океанъ,
 На искры свѣтъ его дробился,
 Ліяся къ намъ отъ горнихъ странъ,
 Вдругъ искры стали—расширились
 И солнца новые родились.

Такъ Ты нашъ Ангелъ благодатный
 Такъ Ты Отецъ! свершилъ свой кругъ.
 Твоихъ дѣяній громъ пріятный
 Плѣнилъ сердца, восхитилъ духъ!
 Тобой, Тобою вождь небесный!
 Храмъ Музъ какъ солнцемъ озаренъ,
 Свѣтильникъ вѣры повсемѣстный,
 И Зороастровъ огонь воженъ—
 И вотъ отъ чудотворной силы
 Родятся новые свѣтилы!

Но чей вдали подъ небосклономъ
 Плѣнительный я слышу гласъ?
 Не Боги ли въ восторгѣ новомъ,
 Бросая свѣтлый взоръ на насъ,
 Торжественно Боговъ встрѣчаютъ?
 Или Зевеса зрять приходъ?
 Ахъ нѣтъ!... Се Музы провождаютъ
 Вожда златый, великій годъ.
 Внимаетъ гласъ ихъ пол-вселенны,
 Увылый гласъ,—но гласъ священный.

„Постой! куда нашъ Ангелъ мирный,
 „Куда ты правишь свой полѣтъ?
 „Куда парять крыла эирны?
 „Еще тебя зрѣть жаждетъ свѣтъ.
 „Постой, о время быстротечно!
 „Но ахъ! природа! ты нѣма.
 „Свѣтила движешь безпресѣчно
 „Свершаютъ бѣгъ свой времена—
 „Свершай... мы тщетно зрѣть желаемъ,
 „Лишь жажду жаждой умножаемъ.

„Итакъ теки нашъ Фебъ прелестный.
 „Сей міръ не есть предѣла край.

„Тебѣ, тебѣ онъ кругъ есть тѣсный—
 „Теки—и вѣчность озаряй!
 „Увы! тамъ больше пламенѣютъ;
 „Свершай свой путь нашъ полубогъ,
 „Тамъ ждутъ тебя, благоговѣютъ;
 „А здѣсь сердечный слышенъ вздохъ,—
 „Томятся Музы и стенаютъ,
 „Слезами слѣдъ твой орошаютъ.

„Увы!... Но свѣтлый вѣстникъ неба
 Ихъ томный, тихій гласъ прервалъ:
 „Лучи не истощатся Феба,
 Прорекъ—и вдругъ невидимъ сталъ.—
 Умолкли Музы изумленны,
 Блеснула радость на челахъ,
 Молчатъ—но новый хоръ священный
 Грemitъ въ ефирныхъ высотахъ,—
 Грemitъ—въ восторгѣ Музы таютъ.
 И съ гласомъ ихъ свой гласъ сливаютъ.

Гряди посланникъ златозарный,
 Предвѣстникъ новыхъ свѣту благъ,
 Воспламеняя взоръ янтарный,
 И въ радужныхъ горя лучахъ!
 Преобразуй собой вселенну—
 Ты свѣтовъ жизнь—и новый свѣтъ.
 Гряди годъ новый—годъ почтенный,
 Златыхъ предтеча многихъ лѣтъ—
 Годъ новый—сердце закипѣло—
 Въ восторгѣ чувство онѣмѣло.

Прочь зимній зной отъ насъ морозы,
 Проснись природа, наша мать!...
 Се на груди снѣжистой розы
 Одушевляетъ благодать;
 Воскресли изъ снѣговъ долины;
 Открылся новый вертоградъ.
 Не чародѣйствомъ ли Армиды
 Цвѣтетъ зимой, краснѣетъ садъ?
 Не Оен ли волшебны воды
 Преобразили видъ природы?

Нѣтъ, нѣтъ струи благотвореній
 Живать пустынные мѣста!
 Намъ вождь есть теплотворный Геній,
 Оракуль суть его уста.
 Речеть—вселенна слухъ склоняетъ—
 Воззреть—цвѣтеть блаженство, рай:
 Душею—небеса плѣняетъ,
 Онъ центръ сердець—желаній край,
 При немъ все мирно, безопасно—
 При немъ зима—есть лѣто красно.

Царямъ давать примѣръ—уроки
 Ниспосланъ сей къ намъ полубогъ,
 Чтобъ тайнства судебъ глубоки
 Проникъ—и всѣмъ открытъ возмогъ;
 Чтобъ солнца лживы не сіяли,
 Ихъ свѣтъ для свѣта не блестѣлъ,
 Чтобъ точный свѣтъ не затмевали,
 Фебъ истинны вездѣ горѣлъ;
 Чтобы познать его душой
 Блескъ добродѣтелей прямой:

Такъ Ты ниспосланъ небесами
 Чтобъ намъ всего знать точный вѣсь!
 Сіяй надъ нашими главами
 О мощный исполинъ небесъ,
 Рѣкой лія на всѣхъ щедроты;
 Цвѣтеть Тобою храмъ Хрістовъ,
 Сосредоточилъ Ты доброты
 Прошедшихъ будущихъ вѣковъ.
 Дивится вѣчность зря обломки,
 Дивятся поздные потомки—

Еще Ты насъ собою грѣешь
 Живя сердца—живешь въ сердцахъ.
 Ты въ благодати для насъ юнѣешь,
 Зрясь въ новыхъ каждый мигъ заряхъ;
 Еще Ты множишь вертограды!
 Еще, еще Твоя душа,
 Благотвореньями дыша,
 Для Музъ, для церкви льетъ отрады.

Какъ звѣзды въ небѣ—струи рѣчны:
Твои такъ блага безконечны.

Такъ мнѣ ли, мнѣ ль на слабой лирѣ
Твои дѣла благія пѣть,
Которые гремя въ ефирѣ
Колеблютъ и дивятъ весь свѣтъ?
Ты болѣе воспѣть сердцами;
Не слышенъ лирный тонъ въ громахъ.
Немѣютъ персты надъ струнами,
Изтаялъ я въ твоихъ лучахъ,
Позналъ желаній невозможность,
Позналъ предъ нимъ свою ничтожность.

Соч. Ст. Богосл. Василій Смирновъ.

15.

ДЕВКАЛІОНЪ.

И вы, вершины кедровъ—низки!
Вы, зданія, поглощены!
И вы, колоссы, обелиски,
Вы, горы, силою волны,
Надежду жизни обманули,
И въ морѣ мутномъ потонули!

Сѣдые волны свирѣпѣютъ;
Дождь сильный льетъ изъ облаковъ;
Отъ молній черны тучи рдѣютъ:
Челнокъ ударами громовъ,
И вѣтровъ силой опрокинуть,—
Гребецъ подъ челнокомъ низринуть.

Съ такимъ несчастіемъ бороться
У тварей слабыхъ мало силъ.
И въ тернахъ ли не уколоться?
А тамъ гора—подводный илъ.
Такой твореній былъ уронъ!
Спасенъ одинъ Девкаліонъ.

Тогда все бездна пожирала;
Глотала царства алчна смерть:

Пучина моря возрастала,
И небеса хотѣла стерть;
Но гдѣ сей мужъ себя спасалъ,
Тѣмъ судномъ вѣтеръ не игралъ.—

Безбѣдно плылъ поверхъ пучины.—
И все ль поглощено въ водахъ?—
Еще Парнаскихъ горъ вершины,
Терялись кои въ небесахъ,
Свирѣпость презирали волнъ—
Тутъ съ моря шелъ Девкаліонъ.

Юпитеръ потонивъ пороки
Девкаліона только зрѣть;
Въ немъ добродѣтели высоки,
Которыми онъ Зевса чтитъ:
Разсыпалъ облака—прогналъ;—
И землю небу показалъ.

Гнѣвъ волнъ на морѣ утихаетъ;
И возстаютъ верхи холмовъ;
Воды обилѣе изсякаетъ:—
Трясетъ вѣтръ тихо иль съ лѣсовъ:—
Уже и море въ берегахъ:—
Открылся шаръ земной въ очахъ.

Но тварей тѣхъ, и тѣхъ животныхъ,
Которыхъ прежде міръ питалъ,
На сихъ гнилыхъ путяхъ, и водныхъ
Девкаліоновъ взоръ искалъ:
Съ собой ихъ море увлекло
И все завяло, что цвѣло.

Тогда что думалъ изумленный
Великій Прометеевъ сынъ?
„Ахъ! естли бѣ жителей вселенны
„Возставить смертный могъ одинъ!
„Когда бѣ землѣ я чувство влилъ!
„И грубое пресуществилъ?

„О небо! для меня ль вселенна?
„Дай силу—друговъ сотворю;

„И тѣмъ, чего земля лишена,
„Востокъ и западъ населя“.

И что жъ сынъ хитрый сотворилъ?
Свое потомство удивилъ.

О древность!—и повѣрить трудно!—

Онъ вержетъ камень—умягчилъ—

Далъ жизненное тѣло чудно;—

И се! Парнасъ весь населилъ!

Какъ фениксы изъ пепла, въ годы

Возникли новые народы.—

Такъ пѣли древніе пѣнты,

Огнемъ Пифейскимъ возжены:

Но пѣсни ихъ давно забыты.

Въ Тебѣ, въ Тебѣ отрождены,

О сѣверный Девкалионъ,

Музы и Творецъ и Аполлонъ

Парнаассы Роски утопали:

Въ разливѣ Днепрскихъ шумныхъ водъ:

Тебя имъ небеса послали,

Спасти, избавить свой народъ.

И се изъ камней человѣки!

Враги наукъ отъ насъ далеки.

Трясли столпъ вѣры вѣтры рьяны,

Денница сринута съ небесъ:

Низшелъ Ты въ Алаунски страны,

И въ перкви свѣтъ и миръ воскресъ.

Твой гласъ проникъ въ скалы кремнисты,

Твой лучъ разсѣялъ мысли мглысты.

Источникъ нашего блаженства!

Мѣрило мудрыхъ совершенства!

Въ волнахъ страстей—суетъ, Герой!

Мы къ небу длани простираемъ,

Да наша жизнь намъ будетъ раемъ,

Коль будемъ долго мы съ Тобой.

Грѣй свѣтомъ свѣтъ—живи съ сынами—

Собою вѣкъ нашъ отличай;

Какъ солнце въ небѣ межъ звѣздами,
Добротами души сіяй,

Которымъ весь дивится свѣтъ:
Что жъ Муза слабая поетъ?

Студ. Филос. Евѣимъ Свѣтовидовъ

16.

СТАРОСТЬ.

Сѣверъ чистъ—и небо ясно;
Нѣтъ тумановъ—облаковъ.
Свѣтитъ солнце къ намъ прекрасно
Отъ Эракійскихъ береговъ.
Гонитъ пасмурныя тучи,
И туманны облака,
Превращаетъ снѣжны кучи
Въ воду, зря изъ далека.—
Вникнемъ въ старость мы священну,
И черты въ ней разберемъ;
Разберемъ и жизнь блаженну,
Жизнь почтенную умомъ.
Озаряетъ старецъ мудрый
Всѣхъ премудростью своею;
Такъ какъ солнце во полудни
Умножаетъ блескъ лучей.
Старецъ мудрый все предвидитъ,
Лестъ, коварство поразитъ.
Украшенья не навидитъ,
Духомъ въ небеса паритъ.
Все мірское презираетъ,
И ко вѣчности снѣшитъ;
То блаженствомъ почитаетъ,
Что небесну жизнь даритъ.
Грудь крѣпчаетъ Адаманта;
Рокъ жестокой не разитъ.
Представляя видъ Гиганта,
Прочь несчастіе! „гласитъ:
„Неприлично подвергаться,
„Тлѣнно что, и только льститъ;

„Лучше мужу укрѣпляться,
 „Слабость томну удалить.
 „Бодрствуй—стой—крѣпись—мужайся—
 „И Сіону подражай.
 „Противъ бури укрѣпляйся,
 „И удары отражай.
 „Тѣло съ духомъ кто ослабитъ
 „Будетъ что?—мертвецъ живой“.
 Гласъ Геройской! кто—представитъ
 Образъ старости такой?—
 Старость истинну—священну,
 Представляешь Ты, *Платонъ*.
 Взять сѣдину коль почтенну,
 Зримъ въ ней мудрости законъ.
 Всѣ черты изображаютъ,
 Что Ты твердъ—не колебимъ;
 Старца мудра представляютъ;
 Стрѣлъ отъ вражьихъ не вредимъ.—
 Вознесемъ отъ сердца гимны
 Ко лазурнымъ небесамъ;
 Да живетъ сей Старецъ дивный,
 И защитой будетъ намъ.

Соч. учен. Ритор. Петръ Чистяковъ.

17.

С О М Е Т А.

Lucis aeternae e gremio renascens,
 Stella terrae non procul ambit oras
 Insolens, terris miseris amica,

Et simul astris:

Ignium profunditur unde flumen.
 Avreum large, nitidas et inter
 Eminent stellas, velut inter ignes

Luna minores

Coeca ventorum rabies recumbit,
 Concidunt irae, fugiuntque nubes
 Humidae, pugnis Aquilonis amens

Labitur ira.

Efferunt colles capita, inque (mirum!)
 Templa mutantur radiis cometae;
 Unde musarum resonant tonanti

Carmina diva.

Iam ferae silvis fugiunt opacis;
 Iamque rarescit nemus, ante densum:
 Et rosis sentes teneris rubescunt,

Lumine tactae.

Orbe pax jucunda viget, decusque
 Avreâ venâ fluit, atque prata
 Grata collustrat veneranda stella

Luce benigna.

Omen infestum antiquitas cometas
 Esse mentitur: nihil est in orbe,
 Non quod adventu recreetur hujus

Dulce cometae.

O Plato! Iucunde cometa nostri
 Aevi, et humani generis levamen
 Dulce! Te nostrum cecinit cometam

Chorda benignum.

Eminent multi titulis potentes,
 Eminent multi ingenio nitentes,
 Sed graves terris pereunt inani

Luce cometae;

Dulce virtutum decus at Tuarum,
 Dum nitet, cunctos animos serenat:
 Cordibus tantum est gravis improborum

Lux Tua clara.

Patriae, Musis, fideique, totus
 Vivis; et curis oneratus altis,
 Non eas sentis, superis Deorum

Gratus et imis.

Gloriae vixisse satis videris:
 Sed parum nostris patriaeque votis,
 Quae Tuis dignos meritis precantur

Nestoris annos.

Stud. Nicanorus Tsvetc

BETHANICA CLIO.

Meus mihi, suus cuique carus est. Terentius.

Iure venit cultos ad sibi quisque Deos. Ovid.

Fert animus nobis optatas dicere sedes,
 Quid fuerint, et quis priscam mutaverit auctor
 Formam, quid ve ferant excultae tempore nostro.
 Esto canant alii sua, sed nos nostra canamus:
 Nam sua cuique placent; sua sors in laudibus exstat.
 O utinam placeat nostro mea Musa parenti.—
 Ut Chaos antiquum, confusa sine ordine moles,
 Numinis ad vocem disparuit; omnia sedem
 Obtinuere¹ suam, steterant et in ordine certo:
 Sic ubi delegit certam mens provida sedem,
 Innovat, et veteri immutatâ imagine rerum,
 Omnia, quae specie fuerant incondita, condit.
 Ferro silva cadit, tenebrae densaeque recedunt;
 Et caligantes nigra Formidine luci,
 Olim tecta avium, et rabidarum lustra ferarum,
 In pulchras abeunt species. Stupet ipse viator,
 Se non hîc pridem spectris pallescere diris;
 At quantum nunc pulchra videt spectacula rerum!
 „Quis Deus hîc, inquit, tantos formavit honores?
 „Iam pius ossa mihi tremor, et praecordia tangit:
 „Nec fallor; sensus nobis est conscius aequi:
 „Hîc sapiens mundo abhorrens, contemnere honores,
 „Responsare cupidinibus, titulisque superbis
 „Fortis, et in sese totus teres atque rotundus
 „Inveniet sortem, coelo adspirante, beatam.
 Ut fortunatus nimium Titanius ales,
 Saeva nec humani patiens contagia mundi,
 Cum multis gravior tandem subjungitur annis,
 Lustrorum numero victus; de collibus herbas
 Eligit, et textit pretiosâ fronde Sabaeum
 Nidum, quo possit vitam reparare futuram:

¹ Первоначально было написано: occupavere, но м. Платономъ исправлено на: obtinuere.

Sic Phoenix noster, gratus terraeque poloque,
 Cum primum sensit frigus commune senectae,
 Coelitus admonitus, portum sibi prospicit inter
 Naturam vario ornamento luxuriantem,
 Ut tandem emeritos artus sub mole laborum
 Allevet hic dignâ jam tanto corde quiete,
 Totus mente Deo intentus vitaeque futurae.
 Quidquid dextra Dei variis dispersit in oris,
 Collectum hic natura simul conservat et avget.
 Undique munitum cinxit natura supinis
 Montibus, ut Tempe Aemoniae celeberrima quondam
 Penei Pindo effusi viridantia ripis.
 A dextrâ laevaue celer circumsonat unda;
 Inde patet totus spatiosus campus aquarum,
 In tria qui sese si-nuosa volumina torquet.
 Parva quidem patulis sed luxuriosa capillis,
 Eminent in medio, decus ac honor, insula, stagni.
 Hinc tellus colles pictos, camposque nitentes
 Offert, et superat campos, quos Graecia jactat
 Elysios. Non hic mordax, non pallidus ore
 Livor, non curae tristes, non nominis ardor
 Quaerendi, non ambitiosa insignia habendi
 Regnant. Non ludum insolentem ludere gaudens
 Hic fortuna vices mutat, sibi proditor ipsa.
 Hic monumenta monent (forsan nisi quis memoresset
 Ipse sui) signis, lethali et carmine presso:
 „Sic vos urna capax, sic nomina vestra movebit;
 „Quisque suos patimur manes: contemnite mundum.
 Hic conduntur humo, dederant qui nomina Christo,
 Iuratique sacris mundi omnia pulchra negarunt.
 Ematurescat seges haec ad fata suprema
 Mundi, quando omnes ruptâ tellure resurgent.—
 Stat domus alta Dei, quam nulla imitatur in orbe;
 Aras illa super, sanctus mactatur ubi agnus,
 Tollit magnificum caput, auratumque corona.
 At si succedas tectis, adyta ipsa visurus,
 Quam nova diripiant oculos, insyeta petentes!
 Ecce sacer subito tibi mons sese objicit, undas
 Gramina, saxa ferens, naturam imitantia mirè.
 Culmine fixa sedent fumantia altaria thure,

In tortuum (quanta est species!) redeuntia circum.
 Hic pius Antistes, canos redimitus honore
 Gemmifero, latus et puro velamine cinctus,
 Ipse animo purus, mactat pro gentibus agnum,
 Atque pias tendens palmas cum supplice voce,
 In lacrimas fusus coelo deducit ab alto
 Divinum flamen, coelestis pignus amoris.
 Sacraque dum peragit, quis certô dicere possit
 Occultos animi motus, flammisque calentes
 Pectore sub puro? mentem res attonat omnem...—
 Hic est ille Thabor, quo luce exsplenduit almâ
 Christus, in igniferam variato corpore formam,
 Et sic corporibus nostris post funera vitae
 Spem dedit in similes ipsi transire figuras.
 Sic animi, praesunt sacris qui in limine templi,
 Nudantur vitii contractis sordibus atri,
 Mutati in alios et vultu et ore operantis
 Praesulis; et lucem sic assistentibus adflat
 Luce Dei plenus, Titan ceu astra serenans.—
 Est antrum tophis laqueatum et pumice vivo
 Monte sub exciso, lapidosi imago sepulchri,
 Lazarus unde redit divinâ voce solutus
 Christi, qui revocat cineres ad lumina vitae.—
 Scilicet hic signat templum miracula Christi,
 Et nostrae quondam minitanti funera moli.
 Clauditur hoc antro praetiosa colentibus arbor,
 Faucibus ac terrae inviolata voracibus atrae,
 Centum bis fere quae totos servaverat annos
 Sancti membra viri, carie intemerata senili.
 (Sic Deus omnipotens illaesa vel ipsa tuetur
 Corpora sanctorum, naturaque cedit in illis).
 Hic est... sed quid ego?.. taceat mens lubrica quiddam,
 Iamque animus meminisse horret, luctuque refugit:
 Latior est dicenda mihi res.—Iam volat ingens
 Fama per innumeros agros, per regna, per urbes.
 Et sermone replet populos, praenuncia veri,
 Concitat atque animos (rumor non sufficit unus)
 Visere Bethaniam. Subito, ut Salomonis honores
 Visuri properant; strepitu ceu aëris hausto
 Cecropiae volucres per florea rura vagantes

Confestim ad sua tecta ruunt, ac aethera miscent:
 Sic trahit innumeros variè pulcherrima ¹ Eremus
 Undique vel duces regalia sceptrā tenentes.
 Cum *Paulus* solio medius consedit avito,
 Et dextrā sceptrum sumsit, capite atque coronam;
 Haud mora relligione solemnī et pectore motus
 Venit caenobium meritis senioque colendum,
 Reliquias sancti grato culturus honore;
 Effunditque preces animo super astra beato,
 Russorum ut patriam servet, servavit ut olim.
 (Coelicolae patrias gentes et regna secundant).
 Tum rex Bethaniam subit, et dignatur honore
 Regali, voluitque sibi hīc apponere mensam
 Progenie cinctus generosā. In vertice laeti
 Tunc celso sentit positam, et florentior exit.
 Haec est illa dies, quā non felicior ulla
 Bethaniae affulsit: nam nominis incrementum
 Addidit atque decus: (sis fata secunda tulere).
 Iam rex egregio positu varioque lepore
 Captus, et impulsus magni doctoris honore,
 Cujus ab ore bibit juvenis manantia mella,
 In numerum conferre jubet (quis credidit unquam
 Nec vel conditor ipse) merentem coenobiorum.
 Neve locus careat Musis, aptissimus ipsis,
 Hīc sancire jubet scholas, et praemia ponit
 Larga. Statim coeptae sedes in colle locantur;
 Ardet opus, coeloque instant educere muros.
 Utque Amphioniā testudine dulce canenti
 Sponte suā lapides moti altae moenia Trojae
 Constituere statim, subitoque stat inclyta Troja:
 Sic verā arte et consilio bene cuncta gerente
 (I procul hinc fictum) Musarum verus Apollo
 Extulit alta brevi Musis penetralia sacris.
 Extulit—et quanti coepere deinde triumphī!
 Iam nova turba novos decantat vocibus hymnos
 Altisonis; laetus clamor deserta profunda
 Excitat, et resonare facit; collesque resultant
 Pulsati. Nova Musa, diem reminiscere primam!
 Quantum luxuriosus erat tunc pectore sensus!

¹ Было написано: *formosus*, но Платономъ исправлено на: *pulcherrima*.

Ah! animo dulcis non amplius effluat ille!
 Fac etiam subeat lux, quâ te magnus Apollo,
 Primus *Alexander*, servans vestigia Patris
 Nobilitat facili aspectu: quam culta decore
 Niteris in laudes Regis de pectore grato!
 Fac signes albo lucem, famâque perenni.
 O Rex magne! (Tibi vocem protendimus altam)
 Quam non pigra fuit nostris tua gratia rebus!
 Praemia succrescunt per Te, incitamenta laborum,
 Musis (digna fuit nam res haec principe magno).
 Floreat o utinam semper Parnassia sedes
 Bethaniae, nobisque cadant non irrita vota!
 Iam novies piger autumnus succedit aristis,
 Maturatque feros soles, ut Palladis artes
 Hic animos juvenum informant. Iambis dabat illa
 Non paucos sacra tractantes verbumque, ministros.
 O benè succedat Musis!—uberrima messis
 Proveniet campo, Phoebus cui prospicit almus.—
 O *Pater*! ingeniose Sator, cultorque verende
 Bethaniae, duros mores et dura locorum
 Excolis, et deserta facis sine more diserta.
 Illa Tuum nomenque sonant, semperque sonabunt.
 Non deeris famae, deerit nec gloria famae;
 Scilicet adstringis famam Tibi, mobile numen;
 Vel potius servire tibi cupit ipsa volenti,
 Imperiosa aliâs ducum regumque potentum.
 Illa tibi tradit dextram pennasque premendas.
 Tot vigiles oculi, quot sunt in corpore plumae,
 Propter te vigilant, linguae totidemque sonantes
 Facta docent populos latè memoranda *Platonis*.
 Quid fugis incassum famam, quae proditur ultro?
 Quid fugis? ah! non effugias (mihi crede) sequaces
 Laudes: hîc vel te, cui credis, fallit Eremus.
 Haeret enim lateri Musarum turba canora,
 Quae pendens ex Te laudes producat in aevum
 Victuras, lauroque Tuâ devincta capillos
 Ipsa Tibi lavrum, decus immortale, parabit.
 Ipseque parce Tibi, cum sic non parcere possis,
 Quod semper cieunt postras Tua munera laudes.—

С Л А В А.

Великъ Творецъ! вѣщай не молчный гласъ природы;
Великъ Творецъ! вѣщай, сѣиръ, земля, огонь, воды.
Но что? чтобъ Вышнему вселенну созидать?
Чтобъ мудростью своей въ твореніяхъ сіять?
И чтобы наполнять природу чудесами,
И землю сопрягать съ луною, съ небесами:
Когда бы человѣкъ былъ низкихъ рабъ страстей,
Когдабъ не воздвигалъ онъ славы олтарей?
Къ чему бы общества и царства возникали,
Народы множились, цвѣли, существовали?
Къ чему бы намъ служилъ порядокъ въ естествѣ,
Когда бы не было сей воли въ Божествѣ,
Чтобъ дивный кругъ міровъ блистательныхъ, великихъ,
Лучъ славы Творческой, силъ опытъ непостижныхъ,
Чтобъ дивный оный кругъ намъ славы не внушалъ,
И къ громкимъ почестямъ изъ праха не взывалъ?
Такъ! каждой человѣкъ съ симъ чувствіемъ родится,
И съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ достоинствамъ стремится.
При низкой участи спокойныхъ поселянъ,
Съ минутъ младенчества въ нихъ чести даръ вліянь.
Что значить гражданинъ въ неволѣ дни влекущій,
И чашу горести изъ злобныхъ рукъ піющій?
Довольно бы ему взоръ къ небу возводить,
И только будущей себя надеждой лстить:
Однакъ равно и сей похвалъ нерѣдко жаждетъ
Притомъ какъ бѣдности подъ скучнымъ игомъ страждетъ.
Иной оковами межъ варваровъ стѣсненъ;
Другой Перунами судьбины пораженъ:
Но и подъ молніей святыхъ судебъ небесныхъ,
Подъ тучей страшныхъ стрѣлъ, средь дней печальныхъ слезныхъ,
Страдалецъ тѣшится прошедшею мечтой,
Какою свѣтъ ему гремящей лстилъ трубой.
Представъ хотя Царя въ порфирѣ на престолѣ;
Хоть взоръ на нищаго ты низведи оттолѣ:
И въ бѣдномъ рубищѣ—и въ утваряхъ златыхъ—
Всегда найдешь сердца полны стремленій сихъ,

Для коихъ жертвуемъ безцѣннымъ мы покоемъ,
И кои дѣйствуютъ во браняхъ надъ героемъ.

Но слава! гдѣ твои скрываются лучи?
Когда летаешь ты? иль днемъ, или въ ночи?
Куда ты звучный громъ быстрѣе направляешь,
И гдѣ крыле свои охотно полагаешь?
На тѣхъ ли кровяхъ ты съ трубою возсѣдишь,
И тѣхъ ли бытіе въ окрестностяхъ гласишь,
Которые предъ симъ во прахѣ сокрывались,
Доколь художника рукою не вздымались?
На сихъ ли возлежишь составленныхъ горахъ,
И сѣнешъ съ высоты въ безсильныхъ грозный страхъ?
Съ надменныхъ ли верховъ даешь свои уставы,
И гордый видъ нося, другихъ смиряешь нравы?
Когда бы образъ твой былъ въ странныхъ сихъ чертахъ,
И столько бъ щасливъ былъ земной-презрѣнной прахъ;
Когда бъ на кирпичахъ ты тронъ свой утверждала,
И каждаго бы къ нимъ вниманіе склоняла:
То мы кумиромъ бы почтили ихъ своимъ,
И хвастались вездѣ лишь зданіемъ однимъ.
Тогда бъ художники и знатные невѣжды
Имѣя на тебя духъ полныя надежды,
Рукою сорвали съ всея земли покровъ,
Другою бъ противъ звѣздъ воздвигли злобный ковъ.
И какъ возвышены громады неприступны,
Такъ къ славѣ были бы пути и средства трудны.
Но что ея искать въ безчувственныхъ стѣнахъ,
И предъ бугромъ земли питать почтеніе—страхъ?
Гдѣ жъ, слава, скипетръ твой, и гдѣ твои суть силы?
Надъ блестящими ли столпами легки крилы
Съ усмѣшкой льстивою ты любишь простирать,
И ихъ рачителей въ подлунной возвѣщать?
Сосуды ль пышныя ты взоромъ осѣняешь,
И въ блескѣ ихъ утѣхъ искать повелѣваешь?
Цереры ль, Бахуса ль роскошныя дары
Къ прельщенію людей во власть твою даны?
На громъ ль музыки средь роскоши почишь,
И дни безмолвныя отъ глазъ своихъ отринешь?
Апиціи крася твой живописью храмъ,

И принося тебѣ въ даръ тучной фиміамъ,
 Улыбку съ устъ твоихъ въ награду получаютъ,
 И ею замѣнять труды свои мечтаютъ?
 Лукуллы ли въ тебѣ находятъ часть свою,
 И отъ руки твоей вкушаютъ благъ струю?
 На ихъ ли пиршествахъ во сладкой нѣгѣ дремлешь,
 Ихъ ласкамъ, ихъ смѣху, ихъ радостямъ ты внимлешь;
 А глиняной сосудъ съ цѣлительнымъ млекомъ
 Съ размаху раздобишь ты мстителемъ крыломъ?
 О нѣтъ! въ толпѣ людей роскошныхъ—сладострастныхъ,
 Привязанныхъ къ мечтамъ и гордости подвластныхъ,
 Въ толпѣ обманутыхъ сіяніемъ пустымъ
 Не видимъ мы тебя съ жезломъ твоимъ простымъ.
 Куда жъ намъ за тобой въ подсолнечной гоняться,
 И гдѣ тобою духъ нашъ можетъ улажаться?
 Ты любишь, кажется, съ героемъ въ полѣ быть,
 И подвиги его вселенной возвѣстить.
 Взвѣмся, полетимъ въ страну кровавой брани,
 Посмотримъ, тамъ ли власть твоей державной длани.
 Вотъ поле! вотъ герой! вотъ сильный врагъ его!
 Здѣсь, слава, видимъ мы лучъ зрака твоего.—
 То арфу нѣжную десницею взимаешь,
 То громкую трубу къ устамъ ты приближаешь;
 Да рыцарски дѣла средъ битвы воспоешь,
 И воздухъ гласомъ симъ подвигнешъ, потрясешь.
 Иль лавры, кровію героя возвращенны,
 И въ должный даръ ему судьбой опредѣленны,
 Пожавъ серпомъ своимъ, плетешь изъ нихъ вѣнокъ,
 И хищный на земли даешь превысить рокъ;
 Какъ лаврами чело героя покрываешь,
 И память смертнаго безсмертной содѣваешь.
 Но лъзя ль тамъ славѣ быть, гдѣ злоба движетъ мечъ,
 И устремляется невинный духъ извлечь?..
 Какое жъ мѣсто есть для славы громоносной?
 Надъ кѣмъ сей блещетъ лучъ небесной—свѣтоносной?
 Не тѣмъ ли ты мужамъ, о слава! присѣдишь,
 Не тѣхъ ли въ рядъ вѣковъ безсмертными творишь,
 Которыхъ мудростью начертаны законы,
 И коихъ дѣйствіемъ стоятъ Монарши троны?
 Уже ли не сильна премудрость славной быть?

Уже ли мы ее отважимся забыть?
 Но гдѣ Спартакскіе и Римскіе уставы,
 Въ которыхъ много есть и пользы, и отравы,
 И коихъ чтили власть обширные страны?
 Ихъ главныя черты жестокости полны!
 За кѣмъ же слѣдуешь, о вѣстница крылата!
 Когда не зримъ тебя ни въ лаврахъ, ни межъ злата?
 Къ ученымъ, думаю, летаешь въ кабинетъ,
 И ихъ громовъ своихъ считаешь за предметъ?
 Повѣрь моимъ словамъ—они тобою дышутъ,
 И чтутъ вліяніемъ твоимъ, что мыслить, пишутъ.
 Не постоянный свѣтъ хотя бъ ихъ презиралъ;
 Ихъ жертва—чтобъ твой лучъ перо ихъ озарялъ.
 Но видъ ихъ частью гордъ, а ты кротка, смиренна:
 Ихъ вкусъ нерѣдко хитръ; а ты проста, любезна.
 Такъ нѣтъ тебя и здѣсь? скажи же намъ сама—
 Твое жилище—свѣтъ, или глубока тьма?

И се! отъ мирныхъ мѣстъ—отъ щастливыхъ селеній—
 Мой исполняетъ духъ сихъ слава впечатлѣній—
 „Напрасно мудрствуешь такъ странно обо мнѣ;
 Твои понятія приличны той странѣ,
 Гдѣ страсти вискія суть первые кумиры,
 Не кроюсь рубищемъ, ни блескомъ льщусь порфиры;
 Не ставлю свой престолъ на мраморныхъ стѣнахъ,
 Гнушаюсь тѣхъ сердецъ, что мнѣ приносятъ страхъ;
 Летаю къ лаврамъ я, и прочь ихъ удаляюсь,
 Въ законахъ сильными я также не плѣняюсь;
 За пышнымъ ли столомъ, за хлѣбомъ ли простымъ,
 Вездѣ мнѣ быть равно—со взоромъ лишь однимъ.
 Въ бумагахъ хитростныхъ скитаться не навизу,
 Лишь только знатока надменнаго увижу.
 Пускай меня къ себѣ ученые зовутъ,
 Ласкаются ко мнѣ и гимны мнѣ поютъ;
 Но есть ли ихъ перомъ корысть, иль гордость водить,
 Тогда ихъ чтить ничто меня не приневолить.
 Мое сіяніе, мой вѣчнующій духъ,
 Мой рѣдко на земли гремѣщій стройный слухъ,
 Такому смертному достойно принадлежитъ,
 Кого не тонка страсть, не ломко щастье нѣжитъ;

Но кто разсудокъ свой улучшилъ, просвѣтилъ,
 Съ природой, съ истинной, какъ должно, согласилъ;—
 Кто сердцу положилъ надѣжные предѣлы,
 И силенъ отражать—крушить разженны стрѣлы,
 Кто при величїи смиренны дни ведетъ,
 И ближняго отъ слезъ, отъ вздоховъ бережетъ.
 Я жертвъ не требую; олтарь мой—сердце честно,
 А лучшій фиміамъ—познаніе небесно:
 Плѣняюсь кротостью, свободой, тишиной,
 Желанный сладкій миръ—наперсникъ вѣрный мой.
 Героевъ я люблю, и мудрыхъ почитаю,
 Лишь къ истиннѣ прямой въ нихъ ревность примѣчаю.
 Не отвращаю глазъ отъ сильныхъ и царей,
 Когда въ нихъ нахожу чувствительныхъ людей.
 Великихъ пастырей повсюду возвѣщаю,
 И въ храмѣ ихъ своемъ торжественно вмѣщаю.
 Таковъ былъ въ Греціи Василій, Дамаскинъ;
 Но къ удивленію стяжалъ то Россѣ одинъ:
 А кто сей Россѣ? *Платонъ*, мужъ мудрый, безпримѣрный,
 Священной вѣры сынъ, отечества другъ вѣрный.
 И только жертвъ моихъ одни достойны тѣ,
 Что слѣдуютъ ему въ величїи, въ простотѣ.
 Се гласъ Божественный! внемли, о свѣтъ! сей славѣ;
 Начни щастливыхъ дней искать въ ея державѣ.

Пр е ф е к т ѣ.

20.

СТОЛПЪ ОГНЕННЫЙ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Ліяся лучъ чрезъ круги звѣздны
 Отъ горнихъ странъ, гдѣ вѣчный свѣтъ,
 Парить, и никакія бездны
 Не преградыт его полѣтъ.
 Израиль! такъ нигдѣ преграды
 Твоимъ стопамъ въ вселенной нѣтъ,
 Лишь ступишь—и моря и грады
 Прахъ предъ тобой—и все падетъ.
 Морскія хляби тамъ—становятся долины,
 Преобразуются холмы, града въ равнины.

Вступилъ въ пути ты непроходны
 Въ жилища мрачныя звѣрей,
 Въ земли безплодныя безводны;
 Гдѣ сонмы предстоятъ смертей—
 И страхи всѣ исчезли, скрылись,
 Отвергся всюду мрачный входъ;
 Изъ камней воды заструились
 На землю спалъ небесный плодъ.

И что единому творить лишъ Богу сродно,
 Ты тѣже чудеса творишь Богоподобно.

Что зрю! Аврора какъ приходитъ
 Царю блистающихъ планетъ,
 И изъ-за Понта къ намъ выводитъ
 Его, излить небесный свѣтъ;
 Идетъ Израиль такъ избранный
 Въ пустынь мрачной—среди лѣсовъ
 Къ землѣ своей обѣтованной,—
 Господня слава съ облаковъ

Предшествуетъ ему, какъ вождь грядетъ предъ войскомъ
 Во всемъ величьи, достоинствѣ геройскомъ.

Таинственной носимый силой,
 И въ пламенный видъ облеченъ,
 Касаясь высоты эфирной,
 Главою въ тверди сокровень,
 Грядетъ столпъ огненный стезёю;
 Израиль въ слѣдъ ему течетъ,
 Какъ бѣ тайною ведомъ рукою;
 Онъ свѣтъ свой на него лѣтъ.

Пускай лазурь небесъ сокроется, затмится;
 Лучемъ златымъ его онъ въ мракъ озарится.

И—чуднымъ свѣтомъ осѣненный
 Не робкою стопой грядетъ
 Среди враговъ ожесточенныхъ;—
 И злость передъ нимъ падетъ,
 Бросая стрѣлы изощренны
 Со трепетомъ изъ рукъ своихъ,
 Внимая царства отдаленны.
 Дрожатъ, чтобъ не коснулся ихъ.

Се слава Божія, твой дивный свѣтъ небесный
Понудилъ трепетать всѣ страны вдругъ подвѣздны

Но къ солнцу какъ орелъ дерзаетъ
Взнестись въ воздушну высоту;
Всѣ вихри, бури презираетъ;
Чтобъ зрѣть его тамъ красоту:
Израиль такъ стопой отважной
Дерзаетъ къ славѣ приступать,
И блескъ сіянья чудный—страшной
Ему не можетъ воспящать;
Представъ святилищу гласъ кроткій возсылаетъ,
И Божій гласъ оттолъ ему въ отвѣтъ вѣщаетъ.

Оттолъ глаголы чудотворны
Всегда къ Израилю неслись;
Ручьи оттолъ благотворны
Щедротъ и милостей лились;
Оттолъ сыновнія уставы
Богъ съ гласомъ кроткимъ издавалъ;
Оттолъ всегда чудесны планы
Въ пути ему начертавалъ:
И сей всемогущій вождь къ землѣ обѣтованной
Средь страховъ всѣхъ провелъ Его чрезъ путь толь далъ

Видѣнія въ тебѣ открылся
Той древнія пустыни видѣ,
И свѣтъ небесной отразился,
Который былъ вѣками скрытъ.
Не такъ ли къ краямъ полуночнымъ
Текутъ уставы отъ Тебя,
И движутъ всѣхъ глаголы мощны
Какъ лучъ небеснаго огня?
Не такъ ли и въ твоихъ мѣстахъ уединенныхъ
Куреній возжигалъ Богъ сердцемъ освященныхъ?

Такъ Россамъ Ты, Отецъ, приходишь
Святою вѣрою Твоей,
И къ мудрости во храмъ возводишь
Рукою пастырской дѣтей.

Твоей такъ славой удивленны
 Текутъ изъ дальнихъ мужи странъ;
 Блескъ дѣлъ объялъ Твой полвселенны
 И къ дальнимъ лучъ прольетъ вѣкамъ.
 Оракулъ истинны, залогъ съ небесъ посланной,
 Предшествуй вѣчно намъ къ землѣ обѣтованной.
 Студ. Богосл. Михаилъ Безсоновъ.

21.

Οἰκητήριον τοῦ Ἀπεράντου.

Stat spatiosa domus, firmis innixa columnis,
 Quae splendore suo soles imitatur et astra.
 Ecce tegunt muros solidae, velut aera, cupressi,
 Et longaeva cedrus fastigia summa tuetur!
 Argento bifores renitent cum limine valvae.
 Stant Cherubina duo, fuleris erecta superbis
 In medio Tecti, pennis innexa vicissim.
 Pars interna micat Templi, ceu floribus illis,
 Tempore quos verno tellus generatque fovetque,
 Ut nec Parrhasius, Zeuxis, nec magnus Apelles
 Praeveniant illis. Haec ars supereminet omnes.
 Lintea flexa solent illic velare fenestras,
 Purpureae maculae filis variantur in albis.
 Lampadibus claris renitent laquearia picta;
 In muris lapides, positaeque ex ordine gemmae
 Sole repercusso flammam ignesque renident.

Hoc inter regale decus, sanctissima Tecta
 Vota refert Domino castus Leviticus Ordo,
 Atque sono laudes sacras modulatur acuto.
 Huc properant gentes ortae regione remotâ,
 Limina turba premit, telus calcata remugit.
 Attentas praebent aures, animosque capaces.

Iam Domini servus factas ex aere tabellas
 Sumit; scripta patent illis bis sena virorum
 Nomina, quos Iacob genuit, qui sceptrâ tenebant.
 Mox genibus terrae flexis prosternitur ipse;

Advocat ille Deum populis responsa daturum.
 Quod simulac fecit, resonant super aëra voces:
 «Ecce data est vobis Chanaan, largissima terra!
 «Ecce greges errant pecorum per gramina verna,
 «Arva patent lat-è, saliunt Eymphaque sonorae,
 «Stat matura seges gravidisque superbit aristis,
 «Mellis apes avidae volitant per amaena vireta.
 «Quid mea terra negat vobis, quid sidera coeli?
 «Quid superest vobis? animo celebrate Tonantem.
 Conticuit tandem. Populus decreta revolvens
 Pectora laeta refert, divini plenus amoris.
 Augurium multos istud perdurat in annos.

Sic Tu, Sancte *Plato*, Templum qui Numinis audis,
 Non unum, sed plura Deo jam Tempa parasti,
 Ora resolvis ubi, coeli mysteria pandens.
 Arte Tua superas sanctos veteresque Levitas;
 Non responsa Dei tabulis infixa reportas:
 Corde Tuo Numen posuit domicilia Summum.
 Non Tibi sunt tabulae; sed quid? super astra beatum
 Promittas nobis Chanaan, pacemque fidelem.
 Non Tibi sunt tabulae; sed gens immanis et atrox
 Pendet ab ore Tuo, sublimia verba ferente.
 Quoque loco fueris, subeunt Tua tecta cateruae.
 Pandis eis ventura.—Heu! vox mea faucibus haeraet.
 Aequora num liceat digitis ficcare profunda?
 Fila negant sonitum, citharamque reponere cogor.

Stud. Theolog. Ioannes Vuedensky.

К О В Ч Е Г Ъ.

На урну вѣчности глубоку
 Спустился въ славѣ мирный годъ!
 Жестокому смѣлся року—
 И совершивъ свой въ вѣчность входъ,
 Рекъ: „Новый годъ за мной родится!
 „Подобно—славой озарится—

Какъ я,—вшедь вѣчности во кругъ,
 Такъ!—такъ, о Пастырь несравненный!
 И Трой протекшій годъ священный—
 Увлекъ мой въ вѣчность взоръ!—и—вдругъ—

Раскрылась книга предо мною
 Священныхъ въ древности вѣковъ!—
 И—смѣлою пѣтъ рукою
 Скрываетъ съ бытія покровъ!
 Къ мужамъ великимъ мысль носилась!—
 И—утомясь остановилась—
 Гдѣ Богомъ вдохновенъ Ламехъ
 Прорекъ: „Рожденный мной! будь Ное!
 „Ты—сохранишь людей въ покоѣ—
 „Виновникъ радостей—утѣхъ!

„И самъ Творецъ Тебя прославить,
 „Когда Твоею онъ рукою
 „Отъ злыхъ печалей міръ избавить:
 „Ты дашъ отраду и покой,—
 „Тукъ винограда выжимая,
 „Трудъ земледѣльа облегчая
 „Научишь, нивы угоджати;
 „Научишь, легкими трудами—
 „Съ земли—проклятой небесами—
 „Плоды обильные собирать.“

Но сердце мнѣ истолковало,
 Кого пророкъ проразумѣлъ:
 Платона перстомъ указало:
 „Се! новый Ной—по славѣ дѣлъ!
 „Онъ Старецъ и дѣтей покоя,
 „Изображаетъ древня Ноя!
 „Нешастиемъ стѣсненный духъ—
 „Къ Его стремится винограду,—
 „Сосеть изъ лозъ ево отраду,—
 „И—стономъ—не тревожитъ слухъ.

Весь міръ порокомъ обольстился,
 Читилъ Богомъ золотой болванъ:
 Единный Ной не соблазнился;
 Кумиръ—пятой Его поправъ:

Онъ зла не слѣдовалъ примѣру,—
Зналъ благочестіе и вѣру;
И—истиннаго зналъ Творца.
И—се! въ явленіяхъ чудесныхъ—
Услышалъ отъ высотъ небесныхъ,
Глаголь, потрясшій горъ сердца:

„Къ чудеснымъ подвигамъ рожденный!
„И избранный изъ рода Ной!
„Се!—нынѣ договоръ священный
„Я заключу на вѣкъ съ Тобой!
„Внимай!—я родъ весь истребляю,
„Тебя единого спасаю,
„Изъ твердыхъ древъ ковчегъ устрой!
„Водой Я погребу все въ бездны,
„А ты взнешся въ край подзвѣздный;
„Въ ковчегѣ станешь надъ водой!“

Сего таинственна глагола
Проникъ во глубину *Платонъ*!
Ковчегъ устроилъ—домъ престола—
Воздвигнулъ Богу къ сердцу тронъ.
„Въ Твоемъ ковчегѣ я почию,—
„Сердечныхъ пѣсней гармонію
„Изъ чистыхъ устъ Твоихъ приму
„Гдѣ пышный ѳиміамъ курится,
„Тамъ жертва прихотей дымится.“
Небесный тако рекъ ему.

И—се! огромное строенье
Возникло Ноевой рукой!
Ударилъ громъ!—одно мгновеніе!—
„Возлюбленный спасайся Ной!
„Спѣши со дщерями—съ сынами
„Въ ковчегѣ плавать надъ волнами!
„Отъ всѣхъ животныхъ избери—
„И брашномъ препитай съ собою,
„Да все не умретъ подъ водою!“
И вся Ной тако сотвори!

Се! мракъ столѣтній исчезаетъ!
 Въ пустынь возсіялъ Парнасъ!
 Щедротъ источникъ протекаетъ!
 Платоновъ эхо носить гласъ:
 „Теките чада—наслаждайтесь!
 „Моею пищею питайтесь!
 „Живите во дворѣ моемъ!
 „Теките—пейте пиво ново!
 На гласъ сей сердце въ насъ готово!
 Мы здѣсь—и гимнъ Ему поемъ.

Гдѣ самовластная природа
 Лѣсами заградила входъ
 Для человѣческаго рода;
 И тотъ лишь возрастила плодъ,
 Которымъ въ непроходной дебри
 Гладъ утоляютъ враны—звѣри:
 Тамъ онъ природу прехитрилъ,
 Въ блаженствѣ духъ свой успокоилъ;
 А на буграхъ Олимпъ построилъ—
 Свѣтильникъ знаній засвѣтилъ.

Какъ тучи въ воздухѣ стѣснились,
 И въ чревѣ смерть всему несли,—
 Земные бездны отворились
 На поглощеніе земли:
 Избранные поспѣшно скрылись,—
 Ковчега двери затворились
 За нами Творческой рукой.
 Подверглась мщенію лишь злоба,
 И общаго избѣгли гроба,
 И вѣрные сыны и Ной.

О—Ноевъ Богъ! о Богъ правдивый!
 Ты дверь пустыни затворилъ
 Отъ вѣтровъ—непогодъ бурливыхъ,
 Которымъ міръ весь покорилъ.
 Но—положить не могъ преграды,
 Струямъ щедротъ катиться въ грады,
 Пустынь свѣтомъ возсіять,
 Дать свѣтъ блистающимъ въ коронѣ

Въ премудромъ Сѣверномъ *Платонъ*,
Примѣръ всѣмъ святости давать.

Текутъ отъ Запада крамолы
И вѣры потемняютъ свѣтъ:
Гремятъ *Платоновы* глаголы,
И—въ Сѣверъ мракамъ входу нѣтъ:
А Галлъ поетъ Его доброты.
И—протекли Его щедроты
Востоку въ сердце—въ храмъ святой.
Платономъ полдень насладился;
Платономъ Сѣверъ просвѣтился.
Отецъ! Ты несравненный Ной!

Свершилось!—воды изсякають,
Чтобъ міра обнажить позоръ:
И—се! чело приподнимають
Обрюзглыя вершины горъ!
Се! горы Араратски наги—
Изъ гибельной возтали влаги!
На нихъ почувствовалъ покой
Въ ковчегѣ праведный съ сынами.
„Уже не носится волнами
„Мое жилище“ мыслить Ной.

„На лехкихъ крылахъ въ путь еѳира
„Несися голубица ты!
„Воззри на безобразность міра,
„И на увядши красоты!
„Ищи ногамъ твоимъ покоя!
„И къ вечеру явись предъ Ноя!“
Онъ рекъ—и голубъ полѣтѣлъ:
И—дня съ послѣдними лучами—
Вѣтвь масличну его устами
Ной принесенную узрѣлъ.

Въ таинственномъ не такъ ли храмѣ
Твой чистый голубъ—духъ—парить,
На Творческомъ почиетъ рамѣ,
А намъ—вѣтвь масличну дарить?
Такъ добродѣтелей царица —
Твоя святая голубица—

Твоя премудрость—такъ —течетъ;
 Въ орлахъ—тобою здѣсь рожденныхъ
 Въ края стремится отдаленны—
 И тамъ—плодъ масличный растеть.

Свершилось мщеніе вселенной!
 И спасій Ноя Богъ вѣщаль:
 „О мужъ возлюбленный—Священный!
 „Се! я водъ токи удержалъ,
 „Небесны хляби затворяю,
 „Земные бездны закрываю:
 „Сломи заклепы у дверей!
 • И съ ликомъ пѣсней благодарныхъ
 Исходитъ Ной съ числомъ избранныхъ
 Узрѣтъ блескъ радужныхъ лучей.

Ко мраку очи приученны
 Нечаянный смыкаетъ свѣтъ:
 Но метеоромъ удивленны,
 Который не былъ съ первыхъ лѣтъ,
 Свой взоръ на радугу бросають,
 И тайну неба проникають;
 „Се! знакъ небесной клятвы намъ,
 „Что Богъ такъ впредь не покараетъ.
 Здѣсь Ной олтарь сооружаетъ—
 Дымится жертва—оиміамъ.

Платонъ, Тебѣ нельзя оставить
 Ковчегъ свой, гдѣ олтарь стоитъ,
 Въ которомъ вѣчный свѣтъ блеститъ,
 Въ которомъ Бога можно славить,
 Высокихъ знаній жатва зрѣетъ,
 Ничто поколебать не смѣетъ
 Блаженство, и души покой.
 О церкви и наукъ отрада!
 Небеснаго ты жаждешь града,
 Платонъ! Но нуженъ зракъ намъ Твой?

Когда ты мудрости рѣкою
 Излилъ небесный свѣтъ земнымъ,
 Сталъ равенъ древнему ты Ною:
 И лѣтъ числомъ сравняйся съ нимъ.

Или—какъ Ной въ ковчегъ скрылся
И чудно по водамъ носился,
Тогда единый годъ протекъ:
Но ты ему не подражая
Будь съ нами—Сѣверъ озаря—
Въ своемъ ковчегъ цѣлой вѣкѣ!

Студ. Богосл. Еeimъ Свѣтовидовъ

23.

Е А К Ъ.

Зевесово всесильно слово,—
Я жъ сынъ—я плодъ любви его;
Все—все служить ему готово,—
Для пользы ль сына своего
Онъ минъ лишь здѣлать отречется,
Котораго весь міръ трясется?
Бѣги души моей призракъ!
Что смертнымъ трудно—невозможно,
Для Бога то легко-ничтожно:—
Такъ добрый—мудрый мнилъ Еакъ.

Его глаголь премудрый—сильный
Возмогъ ничто осуществить;
Велить,—гдѣ океанъ обильный—
Златая жатва тамъ блеститъ;
Его одушевленна гласомъ
Песчинка можетъ быть Кавкасомъ;
Одинъ его веленья взглядъ
Возможетъ царство погубленно,
Косой Сатурна истребленно,
Изъ нѣдръ ничтожества воззвать.

Такъ мнилъ—и мыслью упоенный
Онъ легъ въ тѣни, что дубъ даетъ;
Лучемъ надежды оживленный,
Не знаетъ самъ, чего-то ждетъ.
Тутъ мысль крылата налѣтала,—
Чего ему не общала?

Вдругъ взоръ разсудку указалъ,
 Какъ муравьи въ пыли толпятся—
 Наперерывъ въ пустомъ трудятся,
 Свою всякъ кучу возвышалъ.

Его здѣсь умъ остановился—
 Онъ, тронутый картиной сей,
 Смотрѣлъ, вникалъ, жалѣлъ, дивился—
 И рекъ: какъ жалокъ муравей!
 Онъ мнитъ, что строить тверды грады;—
 Подуетъ вѣтръ—и гдѣ преграды,
 Въ которыхъ жить онъ вѣчно мнилъ?
 Ахъ! естлибы Творецъ вселенной
 Сей насѣкомыхъ родъ презрѣнной
 Въ людей разумныхъ превратилъ:

Тогда бъ вкусивъ плоды свободы,
 И вспомнивъ рокъ несчастной свой,
 Творцу гимнъ пѣли въ поздны роды,
 А въ царствѣ бъ всякой былъ герой;
 Тогда бъ желали благъ нетлѣнныхъ—
 Священныхъ—вѣчныхъ—непремѣнныхъ,
 И я бъ забылъ—не вспоминалъ,
 Какъ мой народъ погибъ неслестный.—
 Сии мечтанія прелестны
 Приходъ Морфеевъ перервалъ.

Онъ спитъ—и въ сладкомъ снѣ мечтаетъ,
 Что вокругъ его народъ стоитъ,
 Его велѣнья ожидаетъ,
 И всякъ доспѣхами блеститъ.
 О совъ! Оракулъ ты правдивый,
 Твои мечтанія не лживы.
 Проснись Еакъ—мольбѣ твоей
 Творецъ міровъ небесныхъ внимлетъ;
 Онъ рекъ—въ минуту видъ пріемлетъ
 Разумной твари муравей.

Вдругъ виденъ былъ перунъ разженный,
 А съ нимъ громъ грянулъ въ облакахъ;
 Еакъ симъ звукомъ пробужденный,
 Проснулся—что же зрѣтъ въ глазахъ?

Событье грезъ своихъ волшебныхъ—
 Людей здоровыхъ—вооруженныхъ—
 Готовыхъ царство защищать,
 Или въ объятіяхъ спокойства,
 Въ отечествѣ среди устройства,
 Мечи въ орала расковать.

Облокотясь на грудь кремнисту
 Россія возвышенныхъ горъ,
 Поднявъ главу сѣдую—льдисту,
 Къ *Платону* свой простерла взоръ;
 Дары въ Немъ рѣдки созерцаеть,
 Потомъ сама къ себѣ вѣщаетъ:
 Сей можетъ мужъ произрастить
 Плоды въ сердцахъ окамененныхъ;
 Его глаголомъ оживленныхъ
 Умы примутъ новый видъ.

Такъ яркіе лучи—горящи
 Небесной мудрости его,
 Во всей подсолнечной блестящи
 Для славы, щастья моего,
 Мои освѣтятъ мрачны взоры,
 Нѣвежества расплавятъ горы,
 И—цвѣтъ ученья прорастятъ
 Между сгущенными снѣгами.
 Парнасы—стертые вѣками
 Въ Россіи снова возблестятъ.

Рекла, и взоръ свой обратила
 На юныхъ бѣдныхъ чадъ своихъ,
 Труды, старанья ихъ цѣнила,
 И обрѣла лишъ слабость въ нихъ.
 Ихъ умъ—младенецъ лехковѣрный,
 Пустой мечтою ослѣплѣнный;
 А сердце—рабъ слѣпый страстей.
 Ахъ естьлибы *Платонъ* чудесный
 Ихъ души напоилъ небесной
 Своей премудрости струей.

Тогдабъ! но осмотрись Россія,
 Въ обширныхъ что твоихъ краяхъ

Горятъ, какъ солнца золотые
 Въ сапфирныхъ—чистыхъ небесахъ,
 Свѣтили вѣры и закона—
 Питомцы мудраго *Платона*;
 Наукъ обильный—чистый токъ,
 Умовъ посредствомъ возвышенныхъ,
 Течетъ на Западъ и Востокъ,
 Его умомъ перерожденныхъ.

О пастырь! въ нихъ *Ты* вновь раждайся,
 Живи—и жизнью своею
 И самъ въ восторгахъ услаждайся,
 И всѣхъ животвори людей.
 Да при *Тебѣ* въ странахъ Россіи
 Переродятся души злые,
 Стократъ блаженны будемъ мы;
 Весенни вѣчно дни сіяютъ,
 Струи Касталла протекаютъ
 Среди угрюмыя зимы.

Студ. Фил. Дмитрій Романовскій.

24.

ОЗИРИДЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

Среди Египетскихъ тѣхъ пресловутыхъ странъ,
 Гдѣ плодоносный Нилъ спокойно протекаетъ,
 Премудрый Озиридъ Юпитеромъ посланъ
 Да Аполлоновъ градъ среди чудесъ сіяетъ.

Вступилъ—и подданныхъ веселье раздалось,
 Златое царство съ нимъ Астреи началось.

Тамъ Музы арфой сладострунной

Сердца людей плѣняютъ,

Плѣняютъ—и вѣкъ спокойной

Странамъ Египетскимъ дарятъ.

Какъ ярко дневное свѣтило

Онъ подданныхъ разсудки озарялъ

Какъ полное мастикъ кадило

Горя по всѣмъ странамъ благоуханье далъ

Какъ солнечны лучи сквозь мраки проникаютъ
И какъ блистаетъ вновь при нихъ природы зракъ
Равно такъ удаляютъ

Науки отъ Эгиптянъ мракъ.

Съ небесныхъ свѣтлыхъ мѣстъ Богъ просвѣщенья сходитъ
Отъ трона царскаго треглаву гидру гонить.

Съ блестящей Божеской стрѣлой

Се вижу образъ Аполлона

Которой обратилъ взоръ лучезарный свой

Чтобъ поразить Тифона....

Напрягъ... спустилъ свой лукъ—

Погибъ Тифоновъ духъ

Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая,

И черну кровь ручьемъ изъ раны испуская.

Еще завѣса поднялась—

Спускается предъ насъ

На свѣтломъ облакѣ янтарномъ

Блестящимъ рубиномъ—коралломъ

Минерва другъ наукъ,

И изъ своихъ щедротой полныхъ рукъ

Дала законъ

Хранящій царской тронъ,

Предстала предъ Царя—итакъ ему вѣщала:

„Прими ты свитокъ сей

„И правъ по немъ въ странѣ своей“

Рекла—и въ воздухѣ пропала—

Гремитъ Эгипетъ, и, коснувшись слуху гласъ,

Се вижу вдругъ возросъ Парнасъ.

„О день веселый! день пріятный!

Рѣдять такъ воздухъ голоса:

„Дымись мастика—ароматы,

„Внимайте пѣнью небеса,

„Се наши Озиридъ сердца прославилъ

„Пріятный давъ для духа трудъ,

„Минервѣ, Музамъ храмъ поставилъ,

„Они насъ къ счастью возведутъ“.

Платонъ! Не Озиридъ мой духъ плѣнялъ,

Но добродѣтелью своей *Ты* занималъ.

Живые на сердцахъ Ты монументы строишь
Въ пустынной тишинѣ сады наукъ разводишь
Ты столько обязалъ сердецъ,
Коликихъ щастія ты здѣлался Творецъ.

Музы хоры подъ Твоей рукою
Цвѣтутъ въ морозы какъ весною.

Твой взоръ
Духъ вольнодумства устрашаетъ:

А разговоръ
Бѣседу мудрыхъ украшаетъ
Когда, и гдѣ ты ни вѣщалъ
Вездѣ поклонниковъ себѣ ты обрѣталъ.
Вѣщалъ—и скиптродержцы съ трона
Сходили внять Твои слова...
Ты вѣры другъ—и щить закона,
Въ вѣкъ мудрымъ пронесетъ Тебя молва.

Нешастныхъ токи слезны
И скорбный унималъ ихъ стонъ
Бывъ сиротамъ Отецъ любезный
Себѣ въ сердцахъ ихъ зиждешь тронъ.
Для всѣхъ рука Твоя щедра,
Зовись другъ общаго добра...

Студ. Богослов. П е т р ь Ч и с т я к о в ъ.

25.

MELPOMENE IMMUTATA.

Est locus affinis terrae Boeotia dictae;
Est ubi radices pandit Parnassia rupes
Vertice quae summo radiantia sidera tangit.
Hoc in monte sacro posuere sedilia Musae.
Hic gelidus Boreas depulso vere fremebat;
Tristis hyems niveo collem velamine texit;
Castalio cursum glacies constrinxit in amne.
Laus arbor nemorum foliis exuta vacillat,
Effundens gemitus, mirum! stridore molesto.
Pieridum dulcis fuerat detracta voluptas.
Sic angor querulus moerentia corda premebat!
Surrexere locis decies deciesque reversae

Saevitiem expertae brumae nigrasque procellas;
 Ast demum vidit subito mitescere Musa
 Frigora, mox cessare nives, sicut igne perustas.
 Haec ubi conspexit, socias aggressa sorores,
 Dicta dedit—gaudete! dies rediere serenae!
 Vix ea fata fuit, gressum facunda caterva
 Ad sua prata tulit; cernens juvenescere terram,
 Assumit vultus hilares, geminatque meatus.
 Arboris en pristinus honos campique resurgit,
 Parturiunt rami gemmas, ut vere solebant,
 Nec mora detrudunt flores, nec bruma coercet
 Ne tellus revocet gramen de more tenellum.
 Iam passim resonant avibus dumeta canoris;
 Iam Zephyri lenes inter virgulta susurrant...
 Inde pedes retulere suas, fontemque revisunt:
 Hic etiam glacies Phoebo resoluta liquescit;—
 Et sitim properant sacro sedare liquore...
 Dissiliunt per prata, timorque recolligit illas,
 Tot mutata vident,—ver regnat tempore brumae!
 Mirantur, dubitantque diu, caussamque requirunt;
 «Nonne Iovis, reputant secum, decreta carebunt
 «Fine suo? rerum causae natura repugnat.
 Talia dum voluunt animo titubante Camoenae,
 Sidereos tractus peragrat per inane Minerva.
 Ut dea bellorum, gladium portabat acutum,
 Aegidaeque horrificam squammis auroque politam,
 Connexasque angues ipsamque in pectore Divae
 Gorgona desecto vertentem lumina collo:
 Non tamen incussit Musis haec forma timorem.
 Aureoli ludunt per candida colla capilli,
 Fronte decus remicabat ei, vultumque serenum
 Praetulerat Pallas, cordis comitante vigore.
 Excipiunt illae dominam plaususque cientes
 Circumdant hilares, mentes dubiasque repandunt.
 Unde fluat talis rerum mutatio, quaerunt.
 Hoc erat, ut peterem, stellis post terga relictis,
 Ad juga Parnassi, rerum causamque docerem.—
 Haec est illa dies totum celebranda per orbem,
 Qua similis Divum Patris sit nomen adeptus
 Dux hominum sapiens, nec non tutela fidelis.

Illius ad vocem properant immanis et atrox
 Gens, immota manet per eum constantia veri,
 Accendit nobis ignes et construit aras;
 Ipse suas peperit Musas, ut clarus Apollo.
 In coelis etiam, pergit, fudere querelas
 Ad Regem rerum canus Saturnus et Auster,
 Sollicitante Deum Phoebo, quod rumpitur ordo,
 Nec sequitur natura suas praepostera leges.
 Stetit enim tempus, venti revocantur in antrum;
 Detinuit Titan cursum super aëra pura.
 Ora Iovis trudere sonos responsa laturi:—
 «Heus! audite Dei, vacuasque reponite curas!
 «Est quidam similis Nobis, pietate refulgens,
 «Ille colit terras, miseri ut releventur ab illo,—
 «Iam meruit stellas, hominum retinendus amore;
 «Est nomen latum, sed gestis latior Ille,
 «Tot praeclara gerit, vos ut desistere cogat
 «In medio cursu,—dignus, qui vivat in astris.
 Dicta dedit Pallas. Musae tot gesta revolvunt,
 Certatim in magno celebrant nova gaudia plausu.
 Vivas Dive *Plato!* ne nos privemur honore,
 Sospite te pietas, itidem sapientia regnent.
 Stud. Philos. Basilius Romanowski.

С Н О В И Д Ъ Н І Е.

На колесницѣ лучезарной
 Спустившись солнце въ океанъ,
 Во всѣхъ краяхъ полнотныхъ странъ
 Сокрыло блескъ небесъ янтарной.
 На лоно мрачной тишины
 Завѣса черна разширилась
 И ночь повсюду воцарилась,
 Свѣтъ блѣдный не мерцалъ луны.
 Тутъ смертный лишь обрѣлъ покой,
 И очи тихимъ сномъ покрылись;
 Тутъ—что? крылѣ вдругъ распростерлись
 Морфея надъ моею главою.

Онъ чувства нѣжны въ мысль вливалъ,
 Крылами тихо осѣняя
 И макъ съ нихъ сладкій отрясая
 Такіе грѣзы рассыпалъ.—

Представился Олимпъ—тамъ Боги засѣдаютъ
 Одѣты солнцами,—вкругъ ихъ лучи играютъ.
 Тамъ Богъ Боговъ Зевесъ; подъ нимъ блестящій тронъ,
 И молніи вкругъ, и страшный вижу громъ.—
 Вдругъ слышенъ скрипъ колесъ,—всѣ Боги улыбулись:
 Восталъ Сатурнъ, Отецъ временъ—всѣ восхитились;
 Вѣщаль: „осмнатцать сотъ вѣковъ сей стукъ свершилъ
 „Какъ ты, Зевесъ, златый на землю дождь излилъ.
 А тамъ невинная—святая добродѣтель,
 Богиня здравія, рекла: „всего содѣтель!
 „Ты благоденствіемъ и миромъ осѣнялъ,
 „Девятый сотый вѣкъ какъ смертный провождалъ;
 И нынѣ осѣни его вѣкъ малолѣтной“.
 Юпитеръ такъ вѣщаль съ улыбкою небесной—
 „О! вижу я любовь къ нему!—и мнѣ сказалъ
 „Поди ему отдай“ мнѣ хартію подавъ.
 Морфей крылѣ поднялъ—пріятный сонъ прервался;
 И чтожь? зрю хартію,—весь духъ поколебался
 Потрясся тутъ составъ во всей груди моей,
 Раскрылъ я хартію—слова читаю въ ней“.—

Превыспреннихъ небесъ Богамъ
 Любезна жизнь Твоя драгая;
 Астрея кроткая—святая,
 Твоимъ дивясь благимъ дѣламъ,
 Оставила свой тронъ священный—
 Шетлѣнія вѣнецъ соплестъ,
 Украсить славой—превознести
 Твои всѣ подвиги безцѣнны“.

Кому же Юпитеръ безсмертье обѣщаетъ?
 Смотри начало строкъ,—Ерата мнѣ вѣщаетъ.
 Такъ Юпитеръ, Отецъ временъ,
 Блаженство дней Твоихъ прославилъ,
 Олтарь величественъ поставилъ,
 И жертвы воскурилъ на немъ;

Къ безсмертью Твоему прямому
 Еще безсмертья придалъ онъ,
 Астрею къ Твоему, *Платонъ!*
 Послалъ онъ вѣку золотому
 Чтобы въ продолженныхъ лѣтахъ
 Она Твои дни озлатила,
 Себѣ престолъ соорудила
 Въ лазурныхъ блещущихъ лучахъ.
 Сатурнъ безъ бурей тучъ должайшій вѣкъ пустилъ
 А Зевсъ блаженствовать Тебѣ благоволилъ.
 Студ. Фил. Ѳеодоръ Покровскій.

27.

ДЕРЗОСТЬ МУЗЫ.

Се водопадъ временъ лѣтается!
 И искры въ слѣдъ его текутъ.
 Вселенной въ полѣ гулъ несется,
 И крылья грома издають.
 Внимають эхо то дубравы,
 Со страхомъ слушаютъ звукъ славы,
 Съ землей сблизилась небеса.
 Катится въ вѣчность годъ со громомъ,
 Грохочетъ эхо славы въ ономъ,
 И зрятся дивны чудеса.

И я въ умѣ воображая
 Протекше время, и въ златой
 Кругъ дѣлъ *Платоновыхъ* вникая
 Себѣ самъ рекъ: „дѣла воспой:
 „Пускай Борей грозитъ зимою,
 „Но мысль Твоя не холодна;
 „Не можетъ вѣтромъ—тучъ горою
 „Взмутиться сердца глубина“.

Но вдругъ что вижу? предо мною
 Явился се какой-то Богъ.
 Гдѣ ступить сильною пятою,
 Тамъ искры сыплются отъ ногъ.
 Въ—десницѣ держитъ звонку лиру,
 А шуйцей гонитъ мракъ и тьму.

Одѣянъ въ пламенну порфиру,
 Проникъ мнѣ сердца глубину.
 Морщины на челѣ явились,
 Вспылали гнѣвомъ очеса,
 Всѣ члены тѣла премѣнились;
 Изрекъ сіи мнѣ словеса:

„Возможноль, чтобы тамъ, гдѣ соловей молчить,
 „Дерзалъ ты издавать гортанью слабой трели?
 „При громѣ звонкихъ трубъ нѣмѣють всѣ свирели.
 „Куда твой дерзостный и слабый умъ парить?
 „Въ пѣнящихся волнахъ какъ малая пещинка,
 „Иль въ вихрѣ пламенномъ прахъ тонкій и былинка,
 „Не такъ ли разумъ твой быть долженъ утомленъ,
 „Въ пучинѣ славныхъ дѣлъ, въ которыхъ углубленъ?
 „Простри внимательной твой взоръ въ долину мирну,
 „Гдѣ все лишь красоту живописуетъ дивну;
 „Тамъ тьмы чудесъ Тебѣ явятся на цвѣтахъ:
 „Теряется такъ умъ въ *Платиновыхъ* дѣлахъ.
 „Уже оставленъ пусть Зевесомъ домъ священный,
 „И здѣшнія мѣста пустыни освященны
 „Приходомъ всѣхъ Боговъ—Юпитеровъ орель
 „*Платоновъ* чтить ужъ гласъ, предъ нимъ нося пукъ стре
 „Уже онъ остріемъ сихъ стрелъ остро—кремнистыхъ
 „Шипенье притупилъ змиевъ—тѣмъ жалъ иглистыхъ.
 „Стоящу гриву левъ предъ ними опустилъ,
 „Поверженный лежитъ и злобный крокодилъ.
 „Коль такъ; можешь ли ты смертный дерзновенный
 „Воспѣть небесныя, Божественны, священные
 „И совершенствами обильны красоты?
 „Твой умъ лишь есть мечта, а силы суеты.
 „И такъ не дѣйствуетъ языкъ Твой, но нѣмѣеть.
 „Но есть ли духъ горить, въ восторгѣ пламенѣть,
 „А слабый твой языкъ не можетъ сердцемъ быть;
 „Потщися лирой сей громъ славы изразить.—

Онъ давши мнѣ священну лиру
 Во свѣтъ къ небу возлѣтъ;
 Но я напрягши гласа силу
 Коснулся оной—и воспѣлъ.—

Учен. Ритор. Левъ Писпѣловъ.

28.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Оаворъ какъ славою Господней озарялся,
Апостоловъ тогда очей свѣтъ помрачался:
Нашъ Настырь меркнетъ умъ при блескѣ дѣлъ Твоихъ!
Изображается конечно самъ Богъ въ нихъ.

2.

Авроринъ всходъ въ лѣсахъ хоръ птицъ воспѣваетъ:
Играя предъ Тобой музъ юныхъ хороводъ,
Въ вечернихъ дняхъ Твоихъ срѣтая юный годъ
— И въ старости юнѣ Тебѣ желаетъ.

Риторик. учен. Василій Беляевъ.

3.

Подобясь Титу Ты днесъ превзошелъ его:
Тотъ дни терялъ, а Ты еще не одного.

Ритор. учен. Василій Малининъ.

4.

Въ Египтѣ Ниль, тамъ двѣ въ годъ жатвы созрѣваютъ:
Платонъ гдѣ, и зимой тамъ жатвы поспѣваютъ.

Ритор. учен. Тимоѣей Романовскій.

5.

Цвѣтетъ нашъ вертоградъ—когда? средь зимнихъ дней.
Нечудно то Платонъ! здѣсь свѣтъ Твоихъ лучей:
Но чудно, что цвѣтешъ среди зимы Твоей.

Ритор. учен. Герасимъ Сергіевскій.

6.

Ты музамъ храмъ воздвигъ въ пустынныхъ сихъ мѣстахъ:
Они созиждутъ храмъ Тебѣ въ своихъ сердцахъ.

Ритор. учен. Сергей Левшинъ.

7.

Лишь удалится Фебъ—зима все подавляетъ:
Далеко Ты—зима Твоя насъ согрѣваетъ.

Рит. учен. Александръ Аргуновскій.

8.

Не слышно пѣніе въ пустынь птицъ зимой:
Твою зиму зимой поетъ Музъ хоръ молодой.

Ритор. учен. Григорій Соловьевъ

9.

Игралъ Орфей—звѣрей смягчалъ,—конечно были?
 Но въ дни *Твои* ихъ нѣтъ—такъ до Тебя лишь жили.

Ритор. учен. Петръ Скворцовъ

10.

Паллада Росская *Тебя* родивъ Отецъ!
 Гордилась въ юномъ зрѣ своихъ чертъ образецъ:
 Но въ сѣдинахъ *Твоихъ* какъ фениксъ отродилась,
 Ставъ Сына дочерію днесъ больше возгордилась.

Ритор. учен. Стефанъ Куняевъ.

11.

Металла звукъ гремитъ—и скоро умолкаетъ:
 Громъ славы *Твоея* гремя громъ умножаетъ.

Ритор. учен. Яковъ Воскресенскій.

12.

Тогда бѣ достойно мы *Тебя Отецъ* воспѣли;
 Коль наши бы сердца уста *Твои* пмѣли.

Ритор. учен. Тимофей Шемиговъ.

13.

Славы рогъ коль загремитъ;
 Лиры тонъ тогда молчатъ:
 Такъ *Тебя* поя
Пастырь не пѣлъ я.

Ритор. учен. Сергей Левшинъ.

14.

Диогенъ и Муза.

М. На что ты свой фонарь разбилъ?
 Д. Предъ Вашимъ Аполломъ былъ.

Студ. филос. Петръ Скворцовъ.

15.

Вѣщаетъ всѣмъ Христосъ, грядите мнѣ во слѣдъ:
Кто слѣдуетъ Тебѣ, тотъ во слѣдъ Христу идетъ.

Учен. ритор. Симеонъ Доброхотовъ.

16.

На что бояться намъ зимы
Съ Тобою мы.

Учен. ритор. Сергій Десницкій.

17.

Не столько красотой цвѣты нашъ взоръ плѣняютъ,
Пріятнымъ запахомъ умъ больше удивляютъ:
Но цвѣтъ сѣдинъ Твоихъ плѣнительный лилей,
И всѣхъ сердца дивись ты разума лучей.

Студ. фил. Александръ Аргуновскій.

18.

Свершая солнце путь покоится течетъ:
Тебѣ, покоя насъ, Отецъ, покоя нѣтъ.

Студ. фил. Константинъ Скворцевъ.

19.

Белікій Александръ востокъ весь побѣдилъ,
Но подлымъ онъ страстямъ себя поработилъ;
Белікій малъ: его во всемъ Ты превышаешь,
Не кровь, щедроты льешь и міръ сей побѣждаешь.

Ритор. учен. Егоръ Вишняковъ.

20.

Пріятно намъ, когда природа вся одѣта,
Но при Тебѣ, Отецъ, зима пріятнѣй лѣта.

Ритор. учен. Александръ Вѣринъ.

21.

Иаковъ лѣствицу во снѣ гдѣ къ небу зрѣлъ,
И мѣсто домомъ то онъ Божиимъ почелъ.
Платонъ въ своей душѣ ее намъ представляетъ,
Живый онъ Богу храмъ—въ немъ самъ Богъ обитаетъ.

Студ. богосл. Сергей Левшин

22.

Какъ бѣдно съ радугой равнять *Твои* доброты:
Сто красокъ мало, снять портретъ съ одной щедроты.

Студ. фил. Платонъ Покровский

23.

Покроютъ нѣкогда и насъ сѣдины бѣлы;
И дѣти скажутъ намъ: вы сходны стали съ *Нимъ*.
„Сѣдиной стары мы“, речемъ въ отвѣтъ мы имъ,
Но умъ нашъ и дѣла предъ *Нимъ* суть плодъ незрѣлый.

Студ. фил. Николай Кудрявцевъ.

24.

Въ пустынѣ пусто все: когда жъ *Отецъ Ты* съ нами,
То все исполнено щедротъ *Твоихъ* дарами.

Ритор. учен. Михайло Сперанскій.

25.

Свирѣпый хладъ зимы тѣла всѣ сожимаетъ:
Но сей великій день сердца въ насъ расширяетъ.

Ритор. учен. Иванъ Семеновскій.

26.

Зима природу всю собою умерщвляетъ
Твоихъ же лѣтъ зима сердца всѣ воскрешаетъ

Ритор. учен. Петръ Чистяковъ.

27.

Художникъ знающій сниматьъ портретъ съ души!
 Умъ нашего *Отца* и сердце напиши.
 Иль нѣтъ—на часъ одинъ портретъ твой не годится;
 Что мигъ, то новый блескъ въ душѣ его родится.

Студ. фил. Стефанъ Неврасовъ.

28.

Сіяли въ Греціи премудрости свѣтила,
 И Греція тогда весь міръ превосходила;
 Не трудно имъ сіять невѣжества въ ночи.
 Но въ вѣкъ прославленный великими мужами
Платона славу зря, какъ солнце межъ звѣздами,
 Дивись Европа и молчи.

Студ. фил. Михайло Сперанскій.

29.

З а г а д к а.

Всегда льетъ свѣтъ—не изсякаетъ—
 Скрываетъ—тѣмъ ярчѣй сіяетъ.